

Анна Акимова

Мужское СЕРДЦЕ

Новинка

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Кабинетный детектив

Анна АКИМОВА

Львиное сердце

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Акимова А.

Львиное сердце / А. Акимова — «Эксмо», 2021 — (Кабинетный детектив)

ISBN 978-5-04-156612-8

Молодая научная сотрудница Инга Гусева однажды встретила в кафе своих бывших сокурсников, Наташу и Алексея. Наташа пригласила их в свой загородный дом, но, когда они приехали, их никто не встретил. Досадуя на ее необязательность и свое потерянное время, Инга и Алексей отправляются домой, но по дороге находят полубезумную старушку, которая якобы ищет свою маленькую дочку Лилю. Потом они знакомятся с подозрительным человеком по имени Влад, странным художником. А еще в молодых людей кто-то стреляет, им еле удается скрыться. Что же за тайны скрывает этот с виду мирный и уютный коттеджный поселок?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156612-8

© Акимова А., 2021
© Эксмо, 2021

Анна Акимова

Львиное сердце

© Акимова А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Было темно, падал снег. Где-то высоко горел фонарь. Ей было очень холодно и страшно. То, что лежало перед ней, пугало ее. То, что надвигалось на нее из темноты, пугало еще больше. Это чудовище, черное, огромное, у него есть руки и ноги, но нет лица. Оно сделало что-то с ее мамой, а теперь приближается к ней. Мамы больше не было, то, что осталось от нее, не могло защитить. Наверное, чудовище сейчас съест ее, как волк – Красную Шапочку. Убежать нельзя, у нее как будто не стало ног. Только где-то внутри что-то тряслось и плакало, но наружу не вырывалось ни звука.

Большие детские глаза, широко раскрытые, остановившиеся от ужаса, не могли оторваться от надвигающейся черной туши чудовища. Вот оно подошло, перевернуло то, что раньше было мамой, припало к нему, хрипло зарычало и страшно затряслось. Наверное, оно ело маму, ело и повторяло какое-то непонятное слово...

Наконец чудовище оторвалось от мамы и потянулось к ней. В черной руке было что-то длинное, тоже черное. Она хотела закрыть глаза, но не получилось. Она продолжала видеть эти страшные черные руки.

Маленькая белая молния вдруг метнулась к чудовищу и впилась в него. Чудовище вздыбилось, пронзительно завизжало. Оно прыгало, кружилось и махало руками, как будто плясало страшный танец. Черные капли падали на белый снег, на маму, на нее. Снежинки кружились в свете фонаря, как будто тоже плясали в белом хороводе...

Ингу Константиновну Гусеву студенты биологического факультета, которым она преподавала цитологию, за глаза называли Кингой Конговной. Вовсе не потому, что она была похожа на страшную голливудскую гориллу. Просто из вечного антагонизма студентов и преподавателя, из желания самоутвердиться и оттого, что считали Ингу Константиновну особой довольно вредной.

Что касается внешности, то знатоки, которые встречаются в каждой студенческой группе, как раз считали, что Кинга «ничего себе». Не красавица, конечно, но по-модному тонкая-звонкая, длинноногая, а личиком напоминает японку – черноглазая, с чуть раскосыми глазами, с маленьким аккуратным носом и пухлыми яркими губами. Правда, не смуглая, а светлокожая, но все равно похожа. Вполне себе миленькая, даже пикантная...

Словом, кличка «Кинга Конговна» была незлобивой, скорее созвучной имени: Инга – Кинга, прикольно, ха, ха, ха!

Другое дело, считали студенты, что при такой симпатичной внешности Инга Константиновна могла бы быть и характером помягче. Сама же только-только со студенческой скамьи, не должна бы еще забыть, как невкусно порою грызть гранит науки. Уж могла бы посочувствовать, простить прогул, невыученную тему, просто поставить зачет, да и все! В конце концов, кому она нужна, эта цитология, никто не собирается посвящать ей жизнь и научную карьеру!

С ней пробовали договориться, убедить, разжалобить, даже подкупить. Пытались флиртовать и ухаживать. Хотели даже спровоцировать на скандал, чтобы потом пожаловаться в деканат – пусть приструнят грубиянку преподавательницу. Все оказалось бесполезно. Инга была непрошибаема – никакие доводы на нее не действовали, в больших родственников, требующих круглосуточного ухода, она не верила, на провокации не велась, тонкие намеки на приличные вознаграждения игнорировала. Словом, вела себя «не по-человечески». А раз так, то и пусть ходит Кингой Конговной...

Сама Инга знала о своем прозвище – такие вещи всегда становятся известными. Она-то как раз была уверена, что прозвище связано с ее внешностью, и воспринимала его очень болезненно.

Инга считала себя некрасивой. Это тянулось с детства, с бабушкиных слов, которые та, гуляя однажды с маленькой Ингой во дворе, сказала соседке:

– Надо же, Ника такая красавица, а дочку родила неудачную. Гляньте, вся в отца! Мордовка!

Инга долго считала, что «мордовка» – это ругательное слово. Лишь пойдя в школу, она узнала, что есть такой народ – мордва. Бабушка Софья Андреевна считала, что Ингин отец принадлежал именно к нему. Отец был родом из Иркутска, в Мордовии никогда не бывал, но бабушка так считала – и точка!

Инга и вправду была очень похожа на отца, а еще больше на его сестру Александру, свою тетку. И совершенно не походила на мать.

Мама была светловолосой, голубоглазой, очень красивой. Очень... Было много ее фотографий – дома, на улице, в парке, на пляже. Фотографии очень красивые, яркие, глянцевого. Мама везде смеялась, сверкая белыми зубами, а ее длинные светлые волосы развевались на ветру.

Фотографий отца было совсем мало. Свадебные, пара с лыжных прогулок и несколько с маленькой Ингой в обнимку. Но почему-то Инга очень хорошо помнила папу и совсем плохо маму. Она не помнила ни голоса, ни запаха мамы, ни движений, ни мимики, ни взглядов, ни песен, ни сказок. Только фотографии, плоские картинки...

Папа в ее памяти жил, был теплым и любимым. Она помнила, как они играли, смотрели вместе мультики и читали книжки. Помнила маленькую собачку Ньюшу, которую однажды он ей подарил.

Папа очень боялся, что маленькая Инга может как-нибудь потеряться на улице, и учил ее:

– Ты помнишь, что нужно говорить, если потеряешься? Помнишь, как тебя зовут? Инга Гусева. Ин-га Гу-се-ва! Повтори!

– Игу-у-ся! – старательно повторяла Инга.

Отец хохотал, хватал ее и подбрасывал к потолку.

– Гусенок ты! Гу-се-нок!

Инга летала, визжа от восторга, с вытаращенными глазами и вставшими дыбом волосами. Ньюша скакала рядом и громко лаяла. Тетка Александра, которую все звали Алей, умоляла:

– Костя, осторожнее, Костя, не урони!

Но Инга-то знала – папа никогда ее не уронит!

Потом получилось так, что потерялась не Инга, а все остальные, кроме Али. Инга не помнила и не понимала, как это случилось, но и папа, и мама, и бабушка Софья Андреевна, и даже маленькая, звонкоголосая Ньюша куда-то исчезли, а они с Алей остались одни.

Поначалу на все вопросы Инги Аля отвечала, что папа и мама уехали в научную экспедицию и взяли с собой Ньюшу. Уехали далеко, на Дальний Восток, и вернутся не скоро. Там, в экспедиции, они работают, изучают зверей – тигров, медведей, их жизнь и повадки, а Ньюша им помогает, как собака-следопыт.

Аля показывала Инге красивые открытки, которые присылали родители. В них было написано, чтобы Инга хорошо кушала и хорошо себя вела, слушалась Алю. Инга старалась и кушать, и слушаться.

Куда делась бабушка, тоже было непонятно. Инга не очень скучала по ней – помнила, что та называла ее неудачной «мордовкой», – но все же спрашивала: куда она делась? Аля объясняла, что бабушка просто очень занята на работе.

Из Академгородка, где Инга жила с папой и мамой, они с Алей почему-то переехали в город, в район новостроек, так из жизни Инги исчезли и ее подружки, с которыми она играла в песочнице под грибком. Зато на новом месте у нее появился новый друг – Боб Нечитайло.

В детском саду Ингу поставили в пару с плотным, круглоголовым, щекастым и рыжим мальчиком. Он сказал ей:

– Меня зовут Роберт, сокращенно Боб. Это по-американски.

Про страну Америку Инга слышала раньше от папы, поэтому она спросила:

– Ты, что ли, американский?

– Нет, – коротко ответил Боб. – Я тутний.

Он вообще был немногословным, говорил всегда коротко и односложно. Но Инга его поняла, чего там не понять? Тутний – значит, живет тут, а не в Америке...

Оказалось, что Боб живет в соседнем доме, и скоро Аля, Ингина тетка, познакомилась с его матерью, Ангелиной Игоревной Барабашиной. Женщины быстро подружились, несмотря на то что Ангелиша была лет на десять старше Али. Инге и Бобу пришлось тоже дружить, поневоле...

Боб был вредной. Он ломал ее игрушки, таскал у нее конфеты, мог толкнуть, даже стукнуть. Инге пришлось научиться давать сдачи. И вообще, Боб вносил много сумятицы в ее жизнь.

Однажды, за обедом в детском саду, Боб подцепил на вилку кусок курятины и, сурово глядя на Ингу, сказал:

– Это был цыпленок. Представляешь, как его мама плакала, когда его вели на расстрел?

Инга горько зарыдала и отпихнула от себя тарелку. Детсадовские воспитательницы и Аля потом долго мучились с ней – она категорически отказывалась есть мясо. Сам же Боб, видимо, весьма философски относился к бренности жизни. Он спокойно умял сначала свою порцию курятины, а потом и Ингину...

Еще Боб был ябедой. Однажды по дороге из детского сада он пожаловался Ангелише:

– Мама, а Инга сегодня укусила меня за печень!

У Боба были какие-то неполадки с печенью. Ангелиша вечно таскала его по больницам. У Боба брали анализы, заставляли его глотать зонд, просвечивали ультразвуком. Так что Боб знал, где у него расположена печень, и относился к ней трепетно.

– Я хотела яблоко откусить! – оправдывалась Инга. – Он его за спину спрятал, а я уже куснула! Я за кофту только!

Ангелиша и Аля захохотали, Боб обиженно надулся. Отсмеявшись, Ангелиша сказала:

– Ничего, мой мальчик, не ты первый. Прометей тоже кусали за печень. В следующий раз будешь яблоком делиться, а не жадничать. И ябедничать тоже некрасиво.

Про Прометей Инга не поняла, но Ангелише явно не понравилось, что Боб жадина и ябеда. Ангелиша вообще была очень справедливой, и исключений для любимого сыночка Боба делать не собиралась...

В детстве Инга очень любила рисовать Ангелишу. Это было очень просто. Вытянутый огурчиком овал – лицо, короткая тонкая черточка – рот, очки двумя кругляшками, а вокруг несколько спиралек оранжевым карандашом – это кудри.

Ангелиша, разглядывая свои «портреты», вздыхала и хвалила Ингу:

– Молодец! Очень реалистично...

Только подрастая, Инга начала понимать: Ангелиша некрасива. Очень некрасива, почти карикатурно... Худая, сутулая, с вечными очками на остром хрящеватом носу, с редкими рыжеватыми кудельками, которые невозможно уложить ни в какую прическу.

Но у Ангелиши был замечательный характер – легкий, неунывающий, ироничный. Стоило узнать ее поближе, и внешность уходила на дальний план. Работала она заведующей районной библиотекой, и это была не просто работа, а призвание...

Ангелиша была страстным, самозабвенным, запойным книголюбом, книгоголиком. «Книгоглотом», как она сама говорила. Читать... жить не только свою жизнь, но и десятки, сотни, даже тысячи других жизней, видеть, пусть и не своими глазами, разные места, страны, миры... Сколько чудес, тайн, приключений! Это было ее счастьем. А работать в библиотеке – значит делиться этим счастьем. И Ангелиша делилась, заражала своей любовью других...

У нее был постоянный круг читателей, таких же «книгоглотов», как она сама. Она доставала новинки, устраивала выставки, читательские конференции, тематические вечера, даже встречи с авторами. Ее библиотека никогда не пустовала, здесь кипела жизнь, было интересно...

Как раз от одного из своих читателей, скромного бухгалтера Викентия Даниловича Нечитайло, любителя исторических романов, Ангелиша и родила Боба. Инга слышала однажды, как она со смехом рассказывала об этом Але. По ее словам, сначала состоялось «принуждение к сожительству», а потом, когда внутриутробное существование Боба уже не вызывало сомнений, и «принуждение к браку». Фамилию Ангелиша оставила свою.

– Согласись, работать в библиотеке и носить фамилию Нечитайло как-то неловко! – смеялась она.

На вопрос Али, почему они с Бобом не живут вместе с законным мужем и отцом, Ангелиша отвечала:

– Понимаешь, Вика очень хороший человек, но он одиночка по природе. Ему трудно с кем-то рядом. Зачем ему жизнь портить? Мы встречаемся, иногда даже спим, он деньгами помогает и вообще... Боб знает, что у него есть отец, они общаются... Так что все нормально, а жить вместе... Может быть, в старости, когда обоим помощь будет нужна, съедемся, а пока пусть Вика живет как хочет. Я ему так благодарна за Боба...

Когда Инга с Бобом достигли школьного возраста, Ангелиша и Аля записали их в один класс и даже упростили учительницу посадить за одну парту. Их, конечно, сразу стали дразнить женихом и невестой. Ингу это обижало, а Бобу было наплевать. Он рос человеком независимым и самоуверенным, и чужое мнение его не волновало.

С возрастом Боб сделался более словоохотливым, но менее вредным не стал. Теперь он был яростным спорщиком, и по любому поводу у него было свое мнение, почему-то всегда противоположное Ингиному. Все их разговоры, даже о самых пустяковых предметах, заканчивались рефреном: «Инга, ты – дура!»

Инга безропотно терпела обиды, пока не посмотрела мультфильм про Губку Боба. После этого на каждую «дуру» она стала отвечать: «А ты – Квадратные Штаны!»

Боба эта дразнилка страшно злила. Ему не нравилось, что его сравнивают с героем совершенно тупого, как он считал, мультика. А еще Боб был уверен, что Инга таким образом намекает на недостатки его фигуры, а это с ее стороны подло и не деликатно.

Никаких особых недостатков в Бобовой фигуре Инга не видела. Плотный, коренастый – ну и что, нормально. Но разубеждать Боба не спешила – пусть немного покомплексует, а то больно уж он самоуверенный...

Если не считать постоянных перепалок, Инга и Боб жили дружно. Они были неотъемлемой частью друг друга, как брат и сестра, а братьев и сестер ведь не выбирают, с их недостатками просто мирятся...

У Боба были и положительные качества. Во-первых, он никому не позволял обижать Ингу. Сам обижал, да, но другим не давал, даже дрался иногда за нее. Во-вторых, он был очень умный, это Инга признавала, а значит, все-таки имел право обзывать ее душой.

Это именно Боб подсказал Инге, что с ее родителями что-то не так. Они тогда учились в пятом классе. Боб сказал, что никакие экспедиции, даже самые научные-пренаучные, даже на самом-самом Дальнем Востоке, не могут длиться так долго. Он заставил Ингу откопать пачку открыток, полученных якобы от папы и мамы, и обнаружил, что на них нет почтового

штемпеля. Сама Инга не обратила на это никакого внимания. Затем Боб потребовал образец почерка Али. Он вот так умно и выразился: «образец почерка»! Боб любил детективы, читал их не переставая и черпал из них разные полезные знания. Добытый «образец» он сравнил с текстом на открытках. Стало ясно: открытки написаны Алей...

Припертая к стенке, Аля призналась: да, она обманывала Ингу, не могла рассказать ей страшную правду – ее папа и мама погибли, разбились в автокатастрофе. И Ньюша погибла вместе с ними, она тоже была в машине...

Инга помнила папину машину – старый «Москвич». Она исчезла вместе с родителями, и наивная Инга была уверена, что машина тоже уехала «в экспедицию». А оказалось вон что...

Это был болезненный удар. Правда, Инга давно привыкла жить без родителей, но она хотя бы знала, что они где-то есть. А теперь получалось, что их нет и никогда не будет...

Инга долго плакала, и Аля вместе с ней. Ангелиша ругала Боба. Сам Боб считал, что он во всем прав. Он не признавал ни святой лжи, ни лжи во спасение. Скрывать от Инги правду о родителях было нечестно, вот и все. С этой позиции Боба не мог сдвинуть никто.

Инге пришлось привыкать к мысли, что папа и мама не придут никогда. Но страшный смысл слова «никогда» так и не дошел окончательно до ее сознания. Она по-детски не поверила в смерть, она жила и подсознательно ждала, что когда-нибудь все, кто ушел, возвратятся...

Для Боба история с Ингиными родителями тоже не прошла бесследно. Он проникся стойким убеждением, что правда, и только правда должна быть законом жизни. Правда и справедливость! А его, Боба, призвание – искать и защищать правду и справедливость. Окончив школу, он поступил на юридический факультет университета. Ангелиша уже мечтала видеть его успешным и известным адвокатом, но Боб, неожиданно для всех, сделал «финт ушами» и решил стать частным детективом. Видимо, сказалось детское увлечение Шерлоком Холмсом. Ни Ангелиша, ни Инга с Алей не верили, что эта блажь надолго, но дела у Боба неожиданно пошли неплохо. Он арендовал офис в центре города, купил подержанный «Фольксваген» и с головой погрузился в поиски и защиту правды и справедливости. Через своих университетских друзей он приобрел многочисленные связи и знакомства среди работников правоохранительных органов, добывал через них нужную информацию, никогда не жадничая, делился своей и действительно становился успешным и известным в своей области...

У Инги был свой путь. Она давно решила, что станет биологом, как ее родители, будет разгадывать тайны жизни... И может быть, ей удастся понять, можно ли жить, не умирая...

За Васей Курочкиным захлопнулась дверь, и Инга облегченно вздохнула. Он был последним из студентов, сдававших ей сегодня зачет, и она изрядно помучилась с ним. Вася был неповоротлив мозгами и косноязычен. Инга долго и трудно, как пасту из засохшего тюбика, выдавливая из него скудную порцию знаний. Этот трудоемкий процесс вымотал обоих...

То, что ей удалось выдоить из Васи, все-таки тянуло на зачет. Инга расписалась в зачетной книжке и протянула ему. Вася, неотрывно следивший за ее рукой, счастливо разулыбался и, неуклюже поцеловав Инге руку, торопливо, будто опасаясь, что она передумает, схватил зачетку и ушел. За дверью, где Васю ждали друзья-болельщики, раздался его победный вопль «Кинга – звэр-р-р, но мы зверэе!», подхваченный радостным гоготом. Послышался удаляющийся топот ног, и все стихло. Инга глубоко вздохнула и, подняв руки, потянулась и расслабленно помахала ими. Все!!! Этот учебный год для нее закончился. В сентябре начнется новый, придет другой студенческий поток, другие Васи, но пока все! Свобода!

Она занесла экзаменационную ведомость в деканат и пошла к выходу. По пути заскочила в туалет и с облегчением стянула с себя колготки. Необходимость даже в жаркое летнее время ходить в них раздражала ее. Но завкафедрой цитологии профессорша Каримова считала крайне неприличным для преподавателей женского пола мелькать перед студентами голыми ногами, или, как она выражалась, «мясом нижних конечностей». То же относилось и к излишне

обнаженному «мясу верхних конечностей», и особенно к области декольте. Весь курс помнил зычные возгласы Каримовой, обращенные к Наташке Земляникиной, первой моднице и красавице на их факультете: «Земляникина! Вымя будете демонстрировать на сельхозвыставке!»

Колготки Инга свернула в плотный комочек и засунула в сумку. Она открыла тяжелую, тугую дверь и выпала из прохлады старинного университетского здания в жаркий летний день, полный шума и запаха еще молодой, свежей листвы.

Инга пересекла широкий Университетский проспект, вышла на тихую, тенистую улицу Суворова и неторопливо двинулась к центру города. На свою основную работу она уже не пойдет. Во-первых, рабочий день кончается, а во-вторых, там все знают, что она сегодня принимает зачет, и ее все равно не ждут.

Основным местом работы Инги была НИИЛ – научно-исследовательская лаборатория медуниверситета. Преподавание было лишь подработкой, весьма удачной во всех отношениях. Во-первых, дополнительный заработок, во-вторых – очень полезная дополнительная нагрузка мозгам, а в-третьих, тесное общение со студентами отлично закаляло характер...

Сегодня ее не ждали не только на работе, ее не ждали нигде. Аля уехала на дачу к Ангелише, дом пустой... Эти двое наладились смываться на дачу каждую пятницу. Все никак не оставят надежду «поженить детей».

О будущем совместном семейном счастье Боба и Инги Аля с Ангелишей мечтали еще с тех пор, когда их дети ходили в школу. Сами дети об этом знали. Эта идея хоть и не вызывала у них восторга, но и не отвергалась категорически...

Инга, конечно, мечтала о любви и принце на белом коне, но ни кони, ни принцы поблизости не водились, а думать о будущем все-таки приходилось. Если, в конце концов, ее будущее не с принцем, а с Бобом, почему бы и нет?.. Хотя Боб и бывает порой невыносимо вредным...

Толстокожий и неромантичный Боб любовь презирал, любовные романы, которые подсовывала ему Ангелиша, с отвращением отбрасывал и хватался за очередной детектив. Но он с детства был очень практичен и считал, что если все женятся и ему тоже когда-нибудь придется, то Инга годится в жены, несмотря на то что порой бывает дура-дурой...

Но жизнь, как это часто бывает, разрушила все матриониальные планы. В восьмом классе Инга неожиданно переросла Боба на полголовы. Это страшно его уязвило, он стал комплексовать и держаться от Инги на расстоянии, а потом заявил ей, что никогда не женится на такой дылде, и пересел от нее на другую парту. Инга хотела было ответить, что это она никогда не выйдет замуж за такого недомерка, но все-таки сдержалась, пощадила мужское самолюбие...

Боб после этого развил бурную ухажерскую активность, наверно, чтобы самоутвердиться. Волочился то за одной девчонкой, то за другой, и в их классе, и в параллельных. И до сих пор не унимался, что очень огорчало Ангелишу...

Ангелиша и Аля, несмотря ни на что, упрямо надеются породниться, поэтому освобождают территорию. Им кажется, что природа все-таки возьмет свое и, имея под рукой две пустые квартиры, Боб и Инга начнут активно сближаться, физически любить друг друга и в конце концов исполнят заветное желание своих мамаш – возьмутся за руки и двинутся в сторону ЗАГСа, а потом начнут плодиться и размножаться. И наступит счастье, «будут плыть в небе радуги, будут жить внуки-правнуки»... Еще Ангелише и Але кажется, что они очень тактично скрывают свои тайные замыслы, но все их детские секреты шиты белыми нитками... И надеются они зря, потому что Боб, кажется, влюбился всерьез...

Последней жертвой Бобова донжуанства стала Люда Ельцова, лаборантка, работающая с Ингой. Людочка была хорошенькой и забавной девчонкой с ореолом золотистых волос вокруг детского личика, с большими светло-кариими глазами. Боб познакомился с ней, когда однажды, по просьбе Али, завез Инге забытые ею ключи.

Боб тогда впервые явился к ней на работу, как-то просочился сквозь вахтерский кордон – а он это умел! – и восседал на Ингином месте, с любопытством глаза по сторонам. В этот

момент и появилась Людочка Ельцова, вернувшаяся со станции переливания крови с экспериментальным материалом.

Инга в одном из своих исследований использовала эритроцитарную массу, остающуюся после получения плазмы из донорской крови. Эту массу ей выдавали на станции переливания крови, за ней-то обычно и приходилось посылать лаборантов.

Людочка смутилась, увидев незнакомого молодого человека, а у Боба сразу загорелись глаза. Правда, он слегка побледнел, когда лаборантка стала перекладывать из сумки в холодильник пластиковый пакет с темно-красным содержимым – Боб с детства боялся крови. Но как только холодильник захлопнулся, он сразу воспрянул духом.

Инга ненадолго убежала по делам, оставив гостя на Люду, а когда вернулась, Людочка уже поила Боба кофе, тот что-то рассказывал, а она смотрела ему в рот, улыбаясь, краснея и повторяя время от времени:

– Супчик!

Это было ее любимое словечко, уменьшительно-ласкательное от «супер»...

Увидев Ингу, Боб быстренько подхватился и убежал, но по некоторым признакам она поняла, что между ним и Людой завязались отношения. Как-то она увидела в телефоне у Боба Людочкин номер и рядом имя – Лютик. Инга поразилась – толстокожий Боб и такие нежности! Надо же, какой романтик!

Так что Ангелише не судьба стать Ингиной свекровью, хотя от нее Инга как раз бы не отказалась...

– Девушка, вы что-нибудь выбрали? Что вам подать?

Инга вздрогнула и очнулась. Оказалось, что она стоит у киоска с мороженым и тупо рассматривает витрину. А согнувшаяся в три погибели продавщица с надеждой смотрит на нее сквозь низенькое оконце.

Чтобы не разочаровывать продавщицу, Инга не глядя ткнула пальцем в какую-то картинку в витрине и получила холодный твердый брикет в яркой упаковке. Развернув его, она поморщилась – фу, крем-брюле в вафлях, а она любит эскимо...

Выбросить продукт в ближайшую урну рука не поднялась, не так Инга была воспитана. Откусив большой кусок холодной массы, она пошла дальше, держа руку с мороженым на отлете, чтобы не заляпать пиджак.

Хороший сегодня день. Солнечный, с ярким небом, жаркий. Скинуть бы чертов пиджак, да руки заняты мороженым. Зачем она его купила? Ведет себя как маленькая послушная девочка, которая боится огорчить взрослых. Не захотела разочаровывать продавщицу, надо же! Вот и давись теперь этой дрянью!

Мороженое все-таки потекло. Инга с отвращением проглотила последний кусок, бросила в урну смятую обертку, кое-как вытерла руки бумажным платком. Она уже подходила к Театральной площади. Вот и хорошо, там есть кафе, можно зайти, помыть руки и выпить кофе, а то во рту противно-сладко...

В кафе играла тихая музыка и было малоллюдно – час пик еще не наступил. Инга вымыла руки и подошла к стойке.

– Ин-га! – услышала она чей-то возглас и оглянулась.

За столиком у окна сидела ее бывшая однокурсница Наташка Земляникина, которую она сегодня вспоминала, стягивая колготки. Наташка улыбалась во весь рот, показывая знакомую щербинку между передними зубами, и махала ей рукой. Инга взяла кофе и подошла к ее столику.

– Ягодка! Ты как здесь очутилась? Сто лет тебя не видела! Я думала, ты где-нибудь на Багамах-Сейшелах зависаешь...

Земляникину в их группе все звали Ягодкой, но не только из-за фамилии. Наташка, первая красавица на их курсе, не знала отбоя от поклонников и была эпицентром бешеных любов-

ных страстей. Кроме того, она была дочкой богатых родителей, ни в чем не знала отказа, одевалась в модные шмотки и посещала крутые салоны. Словом, была соблазнительной «ягодкой». Сразу после защиты диплома Наташка выскочила замуж за Клима Халилова, сына таких же богатых родителей, и с тех пор о ней мало что было слышно...

И вот теперь эта звезда сидела за столиком в обыкновенной недорогой кафешке, над чашкой кофе и тарелочкой с двумя пирожными – это зрелище вызывало ощущение диссонанса, как вид яркой бабочки, нечаянно присевшей на сухой, уродливый сучок.

На вопрос Инги Наташка только махнула рукой и скорчила неопределенную гримасу. Она явно не собиралась делиться подробностями своей жизни, а Инга не стала допытываться дальше. Какое ей дело до них! Она стащила с себя надоевший пиджак и бросила его на спинку стула.

– Ты чего это так вырядилась? – спросила Наташка. – Жарища, а ты в офисном прикиде!

На самой Наташке было что-то легкое, яркое, умопомрачительно элегантное, не скрывавшее «мяса нижних и верхних конечностей»...

– Зачет принимала у студентов, – пояснила Инга. – Ну ты же знаешь Каримову? Это я еще колготки сняла!

– Люует Алия Ахметовна? – подмигнула Наташка. – Ну хоть что-то в этом мире стабильно. Помнишь: «Земляникина, здесь не ВДНХ, вымя выставлять не надо!»

Они разом захохотали и долго не могли остановиться, досмеявшись до слез.

– Кого-нибудь из наших видишь? – спросила Инга, отсмеявшись наконец и осторожно отхлебывая горячей кофе.

– Ай! – Наташка досадливо махнула рукой с зажатой в ней ложечкой. – Никого не видела! Три дня назад прилетела с Кипра и сижу у себя за городом. И у самой у меня ни фига хорошего. С мужем поругалась, папенька с маменькой мне из-за этого объявили бойкот и денежную блокаду. Все меня кинули! Скитаюсь вот по городу и пирожные жру! Словом, трагедь с комедью!

Она вытащила из сумочки длинную пачку сигарет и золотую зажигалку, но, видимо вспомнив, что сейчас в кафе не курят, досадливо поморщилась и бросила их обратно.

Инга сочувственно помычала, прихлебывая кофе. На самом деле горести Ягодки тронули ее мало. Ничего, помирится и с родителями, и с мужем. Она и раньше постоянно с ними ссорилась. Просто стиль отношений такой, родственно-скандальный...

Инга рассеянно поглядывала в окно. Ей вдруг стало скучно. Сейчас она допьет кофе и пойдет дальше – пешком, не спеша, до самого дома. Это будет долгая прогулка, она устанет до чертиков и, оказавшись в квартире, примет душ и рухнет в постель. Будет спать, спа-а-ать... Часов двенадцать, пока в ее организме не иссякнет весь мелатонин!

– Завидую я тебе, – вдруг сказала Наташка, и Инга с удивлением подняла глаза. Таких ноток горечи она никогда не слышала в ее голосе. – Все у тебя просто и скучно – работа, студенты... А я вот ищу приключений и нахожу на свою задницу! Допрыгалась, доигралась, стала дриадой какой-то, и ведь уже не убежишь, не вернешься!

– Кем? – не поняла Инга. – Кем ты стала? Дриадой? А что это значит?

В глазах у Наташки вдруг мелькнул страх. Она замолкла на мгновение, а потом рассмеялась, но как-то неуверенно.

– Ой! Чего несут-то! Забудь! Забудь-забудь-забудь! Это я на нервной почве! С мужем поругалась, с родаками полаялась, вот и не в себе. Не бери в голову! Забудь-забудь-забудь!

– Да ладно, забудь так забудь, – пожалала плечами Инга. – Я никому в душу не лезу.

Но странное слово неприятно царапнуло ее. Дриада! Какая-то сказочная фигня... Интересно, откуда это слово запрыгнуло в Наташкин лексикон? Она всегда была человеком простым, без затей, никаких странных высказываний и поступков за ней не водилось. Что это ее вдруг повело в какие-то дебри?

– Слушай, у меня идея! – прервала ее размышления Наташка. – У тебя какие планы на уик-энд?

Инга пожала плечами:

– Да никаких особенных планов. Выспаться, отдохнуть...

– Приезжай завтра ко мне, а? У нас хорошо – лес, речка! А не хочешь на речку – у нас бассейн есть, теннисный корт! Приезжай, а? И выпишься, и отдохнешь! Винца поьем, потрелемся, киношку посмотрим! У нас домашний кинотеатр, такие फिल्мецы есть! Вот приезжай, и все, никаких возражений не принимаю!

– Ой нет, Наташ! – начала отказываться Инга, но та не дала ей сказать ни слова.

– Все-все-все! Ничего не хочу слушать! Жду тебя завтра. Ой, наша Настя такие пироги печет! Закажу ей завтра с яблоками! Пожрешь хоть, а то худющая, как жердь! Мужики таких не любят. У тебя есть мужик?

Ну нарвалась, подумала Инга. У нее не было никакого желания ехать за город, в элитный поселок, где жила Наташка, купаться в бассейне и играть в теннис, чего она, кстати, не умеет. И развлекать Наташку, делясь с ней подробностями своей личной жизни, она не собиралась...

– Вызовешь утром такси, дашь таксисту мою визитку с адресом, вот возьми! К нам и автобус ходит, но на тачке быстрее и удобнее. Такси я оплачу...

Не давая ей раскрыть рта, Наташка сунула свою визитку. Инга собиралась с силами, готовясь дать ей решительный отпор, но не успела.

– Ой, гля-янь! – вдруг оживилась Наташка, устремив взгляд куда-то поверх ее головы. – Да тут сегодня просто сбор нашей группы! Лешенька Баженов собственной персоной, ну на-а-до же!

Инга оглянулась. Возле стойки маячила знакомая долговязая фигура. Точно, Баженов, их одноклассник. Перегнувшись через стойку и опираясь на нее локтями, он что-то говорил девушке, готовившей кофе. Та весело смеялась.

Настроение у Инги испортилось еще больше. Вот только этого красавчика и бабника еще здесь не хватало! Сейчас Баженов и Ягодка начнут исполнять дуэт «встреча старых друзей»... Инга подозревала, что еще и «старых любовников»... Начнут чмокаться, строить друг другу глазки. А она будет сидеть дура-дурой и мечтать провалиться сквозь землю...

– Лешенька-а! – громко позвала Наташка, не дожидаясь, пока тот кончит флиртовать с девушкой за стойкой.

Баженов оглянулся, увидел их и помахал рукой. Потом сказал что-то напоследок девушке за стойкой, отчего та опять рассмеялась, и, прихватив свой кофе, двинулся к их столику.

– Натали! Какая встреча! – широко улыбаясь, он нагнулся, клюнул Наташку куда-то в ухо, потянул носом и восхитился: – Ка-кой парфюм!

Инга мгновенно вспомнила, как однажды Наташка учила их, девчонок-одноклассниц, пользоваться духами.

– Это для себя, любимой, – говорила она, распыляя облачко парфюма над головой. – А это для нахалов! – и, оттянув ворот, прыскала духами за пазуху.

И напоследок, со словами:

– А это для супернахалов! – пшикала духами себе под юбку.

Инга прикусила губу, сдерживая смех. Интересно, к какому разряду принадлежит Баженов: к просто нахалам или к «супер»? И тут же одернула себя – какое ей дело и до Баженова, и до Наташки, и до их любовных игр?

Наташка между тем довольно засмеялась и нежно провела рукой по щеке Баженова. Инге стало неловко. Парень оглянулся на нее и небрежно кивнул:

– Привет, Гусь!

Инга поморщилась. Баженов никогда не звал ее по имени, только так – Гусь! Видимо, считал, что красивое имя Инга не подходит такой, как она! И сейчас даже не посмотрел, ответила она ему или нет. Его это не волновало.

Баженов сел за их столик, и они с Наташкой оживленно заговорили, смеясь и прихлебывая кофе. Инга осталась «за кадром». В принципе ей было наплевать, это не те люди, чье внимание или невнимание имело для нее значение. Она даже не слушала, о чем они там ворковали. У нее вдруг мелькнула спасительная мысль: пока эти двое заняты друг другом, встать и быстренько слинять, пробормотав извинения и сославшись на ужасную занятость. И непременно упомянуть, что завтра не сможет, ну никак, и так далее и тому подобное... Услышат они ее или нет – их проблемы!

Но стоило ей зашевелиться, как Наташка встрепенулась.

– Стой-стой-стой! – заверещала она и обратилась к Баженову: – Лешенька, мы с Ингой завтра встречаемся у меня. Ты непременно тоже должен приехать! Не приедешь – обижусь насмерть!

Баженов заметно растерялся:

– Ну, мать, а что я у тебя там делать буду? А муж твой?..

– А-а! – раздраженно махнула рукой Наташка. – Климка на Кипре! А мы потусим, винца поьем, покупаемся, хочешь – в речке, хочешь – в бассейне! В теннис поступим! А еще у нас сауна есть, можно попариться!

Баженов растерянно переводил взгляд с Наташки на Ингу. На его щеках медленно проступала краска. Он явно представил себя в сауне с двумя девицами... Инга сидела с каменным лицом. Наташка, видимо, почувствовала, что перегнула палку.

– Шутка, шутка! В сауне париться не будем! А все остальное – да! Инга, скажи Леше свой адрес, он за тобой завтра заедет! Инга! Ну не ломай компанию! Ну Инга!!!

– Улица Беринга, семнадцать, – выдавила из себя Инга. Ладно, завтра она что-нибудь придумает, как-нибудь отвертится, а сейчас ей уже невмоготу! Она одним глотком допила кофе и встала. – Ладно, я пойду, ребята.

– Где это – Беринга? – недовольно пробурчал Баженов. – Это второй микрорайон, что ли? У черта на куличках?

– Прости, что не подумала о твоих удобствах и поселилась так далеко, – с преувеличенной кротостью, но испытывая огромное мстительное удовольствие, сказала Инга.

Она повесила сумку на плечо, сняла со спинки стула пиджак и пошла к выходу. Настроение у нее было испорчено окончательно.

Инга стояла у подъезда своего дома, одетая по-походному, в джинсах и клетчатой рубашке навыпуск, с закатанными рукавами. В руках она держала небольшой рюкзак. Она была невыспавшаяся и злая. Хуже всего, что злиться и досадовать не на кого, кроме себя самой.

Вчера, уже поздно вечером, ей позвонил Баженов и предупредил, что Наташка ждет их к десяти утра, а так как путь до загородного поселка неблизкий, то он заедет за ней в половине восьмого. Голос у Баженова был недовольный. Понятно, что ехать ему не хочется, но отвертеться он не сумел, Наташка уломала его, вынудила привезти Ингу и всучила номер ее телефона. Наташка умела строить парней...

Инга и сама не смогла ничего придумать, чтобы отвертеться от поездки, и перспектива провести целый день в компании Баженова и Ягодки раздражала ее. Потерять целый день! Чудесный летний день! С чужими людьми, с которыми не знаешь даже, о чем говорить!

Ну и что, если с Баженовым и Наташкой она проучилась вместе пять лет? Да, сидели рядом в аудиториях, делились конспектами и шпаргалками, подсказывали на экзаменах и зачетах, да, все это было. Но никогда не дружили, не говорили по душам, не испытывали интереса друг к другу.

У Инги были в университете друзья-подружки, но, к сожалению, все иногородние. После окончания они разъехались по родным местам и теперь держали связь только через соцсети. В Тайгинске осталось всего трое из их группы – она и эти двое, Баженов и Ягодка, общаться с которыми у нее не имелось никакого желания. И надо же было вчера нарваться именно на них!

Теплилась слабенькая надежда, что Баженов и Ягодка передумали, она постоит тут, постоит да и пойдет домой, никого не дождавшись... займется своими делами...

Но тут из-за угла вынырнуло такси и медленно подвалило к подъезду. Инга обреченно вздохнула и двинулась навстречу, закидывая на плечо рюкзачок. Вот всегда с ней так. Уж если не везет, так надолго!

Инга уныло покачивалась на заднем сиденье такси. Баженов сидел впереди, время от времени перекидываясь короткими репликами с водителем. На Ингу он не смотрел, и это было хорошо – под лениво-безразличным взглядом Баженова она чувствовала себя неловкой и еще более невзрачной, чем обычно. Она тоже на него не смотрела, вернее старалась, отводя взгляд от маячившего перед ней его коротко стриженного темно-русого затылка – так он был ей неприятен...

Такси долго петляло по городским улицам, потом наконец выбралось на загородное шоссе и резко увеличило скорость. За окнами замелькали поля, перелески, речушки, придорожные кафешки и остановочные павильончики. Инга с интересом рассматривала окрестности. Здесь она еще ни разу не бывала. Ангелишина дача, куда она время от времени ездила с Алей, находилась совсем в другой стороне.

Лиственный лес сменился хвойным, справа мелькнул указатель «Сосновый рай», и машина свернула на боковое шоссе. Скоро она уже катила по центральной улице коттеджного поселка. Инга, забыв о своих настроениях, смотрела во все глаза. Ничего себе, как живут в этом «раю»!

По обеим сторонам широкой, идеально ровной дороги просторно, на большом расстоянии друг от друга, стояли двух- и трехэтажные особняки из светлого кирпича. Они были разные – попроще и позатейливей, с башенками, балконами, террасами, но все вызывающе красивые. Некоторые прятались за плотными высокими заборами, давая разглядеть лишь крыши и верхние этажи, другие были окружены ажурными оградами, выставляя напоказ всю свою горделивую красоту, окруженную лужайками, дорожками, выложенными узорчатой плиткой, фонтанчиками, цветниками...

Такси остановилось как раз напротив такого особняка. Баженов расплатился с водителем, они вышли и направились к высоким кованым воротам. Инга мимоходом вспомнила, что Ягодка собиралась сама оплатить такси. Интересно, вернет ли она деньги Баженову? Если нет, тогда она, Инга, отдаст ему половину суммы. Не будет она пользоваться благодеяниями человека, который демонстративно игнорировал ее столько времени, – за всю дорогу слова не сказал, будто не человек рядом ехал, а пустое место!

Сквозь узорчатую решетку ограды была видна зеленая ухоженная лужайка и цветник. Запах цветов доносился даже сюда, за ворота. В цветнике копалась какая-то женщина в рабочей одежде и соломенной широкополой шляпе.

Баженов нажал кнопку домофона, но на звонок никто не отвечал. Он повернулся к Инге и вопросительно взглянул на нее, но она стояла, полуотвернувшись, и не смотрела на него, хотя и видела его движение краем глаза. Пусть что хочет, то и делает, она ни во что вмешиваться не будет...

Баженов потоптался несколько мгновений, потом решительно потряс створку ворот.

– Эй! – крикнул он. – Эй, аллэ!

Женщина, возившаяся в цветнике, выпрямилась и, устало потирая спину, двинулась к воротам.

– Вам кого? – спросила она, подходя. – Ищете кого?

– Нам Наталью, – хмуро ответил Баженов. – Она нас ждет.

– Дак нет Натальи Борисовны, – удивленно проговорила женщина. – Никого из хозяев нет...

– То есть как нет? – взревел Баженов. – Она нас вчера в гости пригласила! Мы встречались с ней в городе!

– Дак она вчера из города так и не вернулась. – Женщина развела руками и посмотрела на них с сочувствием. – На городской квартире осталась ночевать...

Инга покосилась на Баженова и увидела, как багровеет его лицо. Он вытащил телефон, нашел нужный номер и, держа трубку возле уха, слушал гудки, а потом и механический голос, сказавший, что абонент недоступен. Инга, стоя рядом, отчетливо слышала этот голос...

Баженов засопел, стиснул кулаки, а потом вдруг резко повернулся и пошел прочь. Инга посмотрела на женщину за забором. Та развела руками – что, мол, я могу поделаться? Инга тоже повернулась и пошла вслед за Баженовым. Она понимала его и тоже была возмущена. Ну изменились у Наташки планы, так неужели нельзя было позвонить, отменить встречу? Ну, Ягодка!

И в то же время она была рада, почти счастлива. Ее как будто выпустили на волю из клетки! Сейчас она сядет в автобус и поедет домой. А этот буржуинский «рай» с его хамоватыми обитателями пусть катится к черту. Ноги ее больше здесь не будет!

Она достала кошелек, вынула из него две бумажки и догнала ушагавшего вперед Баженова.

– Леша, возьми, это за такси, моя доля!

Баженов обернулся.

– Че-го? – спросил он. Его лицо, уже успевшее принять нормальную окраску, опять начало багроветь. Он увидел протянутые деньги и заорал: – Пошла ты со своими деньгами знаешь куда? Вот почему вы все такие, а? С вами вообще можно иметь дело? Договариваться о чем-то нормально? Чтобы не получать от ворот поворот?

– С кем это, с нами? – поинтересовалась Инга.

– С женщинами! – рявкнул Баженов.

– Понятно, – кивнула она и продекларировала: – Я женщина, и этим уж виновна во всех твоих несчастьях навсегда!

– Шекспир? – мрачно спросил Баженов.

Инга хихикнула:

– Боб Нечитайло, мой друг детства.

Она действительно процитировала, слегка изменив, пафосную фразу, которую Боб Нечитайло время от времени произносил в адрес своей матери Ангелиши:

– Ты мать моя, и этим уж виновна во всех моих несчастьях навсегда!

При этом та обычно интересовалась:

– А в счастьях?

– Тоже, – коротко отвечал Боб и чмокал Ангелишу в щечку.

Баженов повернулся и зашагал прочь. Инга, улыбаясь, не спеша, тронулась следом. Надо будет сказать Бобу, что его приняли за Шекспира. Он, конечно, не подаст виду, но будет польщен, уж она-то его знает!

Ей было весело. Моральные страдания Баженова совсем ее не трогали. Подумаешь, продали динамики мажорика! Он, поди, раскатал губу, представлял себя в сауне с красоткой Натали, а кайф-то обломался! Ничего, переживет, не все коту масленица! А деньги, которые он не взял, она завтра отдаст инвалиду, который играет у них в подземном переходе на баяне...

Чтобы попасть на остановку автобуса, нужно было вернуться на основное шоссе, и Инга с Баженовым шли по обочине, словно скованные одной цепью, но на солидном расстоянии

друг от друга. Настроение у нее улучшалось с каждым шагом. Она даже начала насвистывать веселый мотивчик и пинать носками туфель попавший ей под ноги камешек.

Она так увлеклась этим занятием, что чуть не налетела на Баженова, который почему-то неподвижно торчал на обочине дороги и напряженно прислушивался к чему-то.

– Ой, извини! – воскликнула Инга.

Баженов вдруг приложил палец к губам:

– Тихо! Слушай!

Сначала Инга ничего не услышала, но потом до нее стали доноситься странные звуки: как будто в лесу, недалеко от дороги, поскуливала и подвывала маленькая собачка.

Инга и Баженов переглянулись, не стовариваясь, свернули с дороги и двинулись на звуки. По мере того как они приближались к их источнику, становилось понятно, что их издает не собака. Плакал человек, женщина... Вперемежку со всхлипываниями доносились бормотания, вскрики, стоны. Баженов и Инга прибавили шагу, почти побежали. Стало можно разобрать слова.

– Лилечка, Лилечка, – плакала женщина. – Доченька, Лилечка!

Между деревьями показалась маленькая полянка, сплошь усыпанная ярко-оранжевыми цветами, которые здесь, в Сибири, называют жарками или огоньками. Посреди полянки, скорчившись, то ли сидела, то ли стояла на коленях человеческая фигура. Инга и Баженов подошли поближе.

Это была маленькая старушка, седая, высохшая, как мумия. Она подняла мокрое от слез, сморщенное, желтое лицо, блекло-голубые глаза глянули на них с испугом и надеждой:

– Вы нашли Лилечку?

Голос у нее был детски-кукольный, такой, какой исходит из нутра «говорящих» игрушек. И во всем ее облике было что-то странное.

Инга взглянула на Баженова. Тот озадаченно разглядывал старушку с высоты своего роста, потом согнул длинные ноги и присел перед ней на корточки.

– Лилечка – это... кто? – спросил он.

– Доченька... – пролепетала старушка. – Ей три года и один месяц. Она не может долго быть одна! Ей надо кушать, спать... Ее надо сажать на горшочек!

– Угу... гм... на горшочек... – забормотал Баженов. – Ну ясно... – И, повернувшись к Инге, пояснил: – Привет Альцгеймеру!

– Почему ты так думаешь? – вполголоса спросила Инга.

– У нее не может быть трехлетней дочки, – так же вполголоса ответил он.

Ну да, действительно, могла бы и сама понять. Старушке, поди, сто лет в обед... Скорее всего глубокий Альцгеймер. Вышла, наверное, из дому и потерялась. Где живет – не помнит, как зовут – не знает...

Инга тоже присела на корточки перед старушкой.

– Как вас зовут? – осторожно спросила она, почти не надеясь на ответ.

– Лена, – кротким детским голоском ответила старушка.

Лена. Уже легче. Может, еще что-нибудь помнит?

– А где вы живете, Лена?

Блекло-васильковые глаза опять наполнились слезами. Голова в седых букольниках мелко затряслась.

– Там Лилечки нет. Ей пора кушать. Она любит творожок с джемом, а клубнику ей нельзя, диатез... Вы нашли ее? Нашли Лилечку?

Инга растерянно взглянула на Баженова. Тот хмуро разглядывал старушку, а почувствовав взгляд Инги, повернулся к ней:

– Она живет в «Сосновом раю», больше нигде. Далеко уйти не могла, а здесь жилья поблизости больше нет.

Инга еще раз оглядела старушку. Ну да, скорее всего Баженов прав. На скиталицу-бомжиху бабуля не похожа – ухоженная, чистенькая, одета в светло-серые летние брючки и просторную полосатую блузу навыпуск, сейчас такие очень модны. Седые волосы аккуратно подстрижены и подвиты. Да, скорее всего это обитательница одного из пафосных коттеджей...

Баженов между тем встал, шагнул к старушке и, подхватив ее под локти, решительно поднял на ноги.

– Пойдемте-ка домой, Лена! Мы вас проводим...

– А Лилечка? Как же Лилечка?

– Лилечка уже дома, – уверенно заявил Баженов. – Творожок лопает!

Он сказал это так убедительно, что старушка поверила. Ее маленькое, морщинистое личико просияло, и она заторопилась, спотыкаясь о кочки и путаясь в траве. Баженов, поддерживая под локти, почти вынес ее к дороге.

У Инги сердце сжималось от жалости. Ну зачем он так сказал! Ведь несчастная бабулька поверила! Нельзя обманывать доверчивых, это самый большой грех!

Они медленно брели по дороге. Старушка мелко семенила, подслеповато глядя себе под ноги, Инга и Баженов поддерживали ее с двух сторон. К счастью, до поселка было недалеко, и скоро они уже шагали по узорчатой плитке тротуара. Баженов над головой старушки глазами показал Инге на Наташкин дом, от ворот которого они недавно получили поворот, и она поняла его без слов. Инга отпустила локоть старушки и быстро пошла вперед.

За оградой Наташкиного дома женщина в соломенной шляпе по-прежнему копалась в цветнике.

– Извините, пожалуйста! – громко крикнула Инга и помахала рукой.

Женщина выпрямилась, досадливо поморщилась, увидев ее, и неохотно подошла к воротам.

– Простите, – повторила Инга. – Мы на автобусную остановку шли и вот увидели женщину, она скорее всего живет в вашем поселке. Посмотрите, пожалуйста, вы ее знаете? Вон она идет!

– Чего-о? – Женщина из-за решетки взглянула туда, куда показывала Инга, и недовольная гримаса на ее лице сменилась взволнованным удивлением. – Ах ты ж, боже мой! – закричала она. – Это ж мамаша соседа нашего! – И женщина махнула рукой на соседний особняк, окруженный высоким плотным забором. – Они ее с раннего утра ищут, только в другую сторону ломанулись. Она обычно туда убегает!

Инга оглянулась на особняк и подумала, что его обитатели в отличие от Наташкиного семейства не очень хотят впускать чужие взгляды в свое жизненное пространство. Из-за высокого забора была видна лишь красная крыша да раскидистые кроны тополей, очевидно рассаженных по всему периметру участка...

Тетка в шляпе, между тем вытащив из кармана телефон, тоненьким, льстивым голосом говорила в трубку:

– Максим Максимыч, это Настя. Ага, от Земляникиных. Максим Максимыч, Елену Аркадьевну привели... нашли, ага... Нет, чужие какие-то, двое... Парень и девчонка, молоденькие, ага... Они к Наталье Борисовне в гости приехали и не застали... На автобус пошли и вашу маму нашли... С той стороны, от дороги... Ага, ага...

Тетка спрятала телефон и уже нормальным голосом сказала Инге:

– Сейчас хозяин выйдет! Ах ты ж боже мой, беда с этими стариками! Хорошо, когда богатые, а вот простому человеку, как выживешь из ума, куда податься?

Инга пожалала плечами и сочувственно спросила:

– А что у бабушки, болезнь Альцгеймера, склероз?

Настя посмотрела на соседний дом, потом перевела взгляд на приближающегося Баженова с мелко семенящей рядом старушкой и, понизив голос, сказала:

– Елена Аркадьевна-то эта давно свихнулась, по молодости еще... Ну, не совсем, конечно, за сорок уже свалило... Дочка у нее пропала. Говорят, то ли из дому унесли, то ли во дворе гуляла и исчезла... Может, увел кто, а может, сама убегла и заблудилась... Так и не нашли... Страшное дело... Если знать, что умерла – это легче, а так... страшное дело... Она сначала еще держалась, Елена Аркадьевна-то, а потом пошла и пошла... Таблетки глотала, даже... – она понизила голос до шепота, – даже водочку попивать стала... А там и заговариваться начала, и совсем мозгами тронулась... Сын ее, Максим Максимыч, тогда уж взрослый был, хоть и молодой, он ее в психушку положил, лечить пытался. Так она принялась оттуда бегать, дочку искать. Теперь-то Максим Максимыч здесь живут, и старуху сюда забрали. Живет как царица, а все равно убегает!..

Инге стало понятно, почему особняк неведомого Максима Максимыча подобен неприступному замку. Интересно, как старушка умудряется сбегать из этой крепости?

В это время соседские ворота с лязгом раскрылись, и оттуда выскочила женщина лет пятидесяти, явно в расстроенных чувствах. Одета она была во что-то, похожее на форменный костюм медсестры, во всяком случае на ней красовался голубой халат и такой же колпак, из-под которого выбивались темные, с проседью, волосы. Ее увядшее лицо было заплаканным.

– Еленочка Аркадьевна, – пронзительно завопила она и кинулась навстречу старушке, которая, поддерживаемая Баженовым, уже подходила к воротам. – Еленочка Аркадьевна, ну что ж вы творите, голубушка моя!

– Лилечка, – слабо вякнула старушка.

– Дома, дома Лилечка! – заверила ее медсестра. – Дома, а как же! За своим столиком сидит, кашку манную кушает!

Она отпихнула от старушки Баженова, который от неожиданности даже потерял равновесие и схватился за забор, и, причитая и ахая, коршуном утащила свою подопечную во двор особняка. Оттуда еще некоторое время был слышен ее пронзительный голос:

– Сейчас, сейчас, голубушка! Сейчас таблеточку, чайку горячего, укольчик...

За всем этим вихрем движений и звуков Инга не сразу обратила внимание на второго человека, вышедшего из ворот неприступного замка. Это был высокий осанистый мужчина средних лет, с породистым лицом и красиво подстриженными светлыми, с проседью, волосами. Его внешность слегка портил только перебитый нос. Видимо, в жизни этого человека были кулачные бои или боксерские поединки. Очевидно, это хозяин дома, и с трудом верилось, что похожий на киноактера красавец – сын полубезумной иссохшей мумии по имени Елена Аркадьевна...

Он не спеша подошел к ним и широко улыбнулся. Настя тут же выскочила вперед и суетливо зачистила:

– Максим Максимыч, вот эти двое Елену Аркадьевну привели, ага! А я уж вам позвонила, знала, что вы с утра их ищите, ага!

Красавец слегка поморщился:

– Спасибо, Настя. А вам, молодые люди, особенное спасибо. Мама, знаете ли, больна. Возраст... все мы, возможно, такими будем... Мои люди ищут ее, но совсем в другой стороне. Где она была и как вы нас нашли? Мама что-нибудь вам рассказала?

Он вопросительно переводил взгляд с Баженова на Ингу. Баженов молчал, он стоял хмурым, засунув руки в карманы. Инга принялась объяснять:

– Она была у дороги, недалеко, на огоньковой поляне, плакала. Вот Леша – он услышал. Ваша мама ничего не рассказала, она только плакала и звала Лилечку... Леша догадался, что она отсюда, из этого поселка. И он уговорил ее пойти домой...

– Да, да... – Максим Максимыч нахмурился. – Лилечка – это моя сестра... Она пропала много лет назад. Страшная трагедия... Мама не перенесла...

Он шагнул к Баженову и протянул ему руку.

– Алексей, я страшно признателен вам и вашей подруге. Чем я могу отблагодарить вас? Может быть, денежная компенсация? Во сколько бы вы оценили свой благородный поступок?

Баженов неохотно вытащил правую руку из кармана.

– Не стоит благодарностей, – процедил он. – Простое дело, за что тут благодарить? И денег за это не берут. Увидите нищего – милостыню подайте...

В это время Инга увидела – с Настей творится что-то непонятное. Лицо ее стало испуганным, она расширенными глазами смотрела в сторону и делала руками знаки, как будто стараясь о чем-то предупредить. Инга удивленно обернулась и застыла...

Позади нее, в двух шагах, стоял человек.

Это был странный человек, никак не вписывающийся в яркую, цветастую, отлакированную картинку элитарного благополучия. Высокий костистый мужчина неопределенного возраста, с загорелым лицом, заросшим темной бородой, и длинными неопрятными темными волосами. На нем был долгополый, болотного цвета плащ с капюшоном и резиновые сапоги. На правом плече висел плоский ящик на брезентовом ремне. И у него были странные глаза – темные, навывкате, с белками в красных прожилках. Взгляд этих глаз был странный – упорный, пристальный, ищущий... Слишком упорный, так не смотрят обычные люди. И этими странными глазами он смотрел именно на Ингу.

По спине у нее пополз холодок страха и инстинктивного отвращения к чужому безумию. По лицу незнакомца бродили тени каких-то мыслей, но он молчал, и все остальные тоже, как будто загипнотизированные. Инга не могла оторвать взгляд от этого странного лица и глаз, буравящих ее насквозь.

Баженов вдруг шагнул вперед, схватил Ингу за руку и потянул, отодвигая ее назад и вставая между ней и странным незнакомцем. Тот наконец оторвал взгляд от Инги, прикрыл глаза темными выпуклыми веками, мелко покивал, как будто в чем-то согласился сам с собой, резко повернулся и пошел прочь размашистым валким шагом. Инга смотрела ему вслед и чувствовала, как оцепенение спадает с нее. Она длинно выдохнула воздух, застоявшийся в легких. Похоже, пока этот тип смотрел на нее, она и дышать-то не смела...

– Свят, свят! – негромко заголосила Настя. – Вы бы, Максим Максимыч, сказали Афанасий Иванычу, чтоб не выпускали они Владика без присмотра! А то ведь страх какой, а если стукнет ему в голову да нападет на кого?

Максим Максимыч, не проронивший за время инцидента с незнакомцем ни звука, слегка поморщился и развел руками:

– Это не мое дело. Господин Оброков убежден, что Владлен неопасен, и он не намерен ограничивать его свободу. Это его право!

И, обращаясь к Баженову и Инге, он произнес уже другим, извинительным тоном:

– Вот видите, какие человеческие экземпляры водятся в нашем милом городке! Это сын одного из наших соседей, очень уважаемого человека. Такая трагедия! Двое старших детей совершенно нормальны, да и Владлен до недавнего времени был блестящим молодым человеком, в юности прекрасно учился. А потом... Шизофрения, загадочная болезнь, никто от нее не застрахован... Что тут поделаешь!.. А вам, молодые люди, еще раз приношу свою огромную благодарность, особенно вам, Алексей! Разрешите пожать вашу руку!

Баженов, с каменным лицом, весьма неохотно, пожал вновь протянутую ему руку, развернулся и пошел прочь. Инга виновато улыбнулась Максиму Максимовичу и Насте, попрощалась и побежала за ним.

Она догнала Баженова на выходе из поселка и на этот раз пошла рядом с ним. Как ни странно, вся ее неприязнь к нему куда-то улетучилась. Вместо нее появилось чувство невольного уважения и благодарности.

То, что Баженов защищал ее от странного психа, пронзительный взгляд которого она до сих пор ощущала на себе, тронуло Ингу. Она не ожидала от него такого рыцарства. Надо же

какой! Вообще не пустой мажорик, которому все до лампочки, а нормальный парень, с правильными мужскими инстинктами!

И в деле с несчастной старушкой, найденной на огоньковой поляне, Баженов тоже повел себя как настоящий мужик. Услышав с дороги плач, он не прошел равнодушно мимо, а остановился, бросился на помощь и потом быстро сориентировался, сообразил, что к чему... Она, Инга, и не услышала бы ничего, проскакала мимо, а если бы не проскакала, то растерялась бы, не знала, что делать... Нет, Баженов – молодец, а она-то всегда считала, что он просто красавчик-пустозвон, и больше ничего. Интересно, почему это она так считала?..

Даже то, что он соврал несчастной старушке, будто ее дочка нашла, теперь не казалось Инге жестокостью. Старушка все равно не осознает реальности, для нее поверить, что Лилечка жива, – утешение. Та женщина, которая присматривает за ней, сказала точнехонько то же, что и Баженов, а уж она-то наверняка знает, как успокаивать свою подопечную...

И этому лощеному господину, «владельцу замка», Лешка ответил хорошо. Она так не смогла бы...

Инга молча шагала рядом с Баженовым. Они вышли на основное шоссе. Остановка автобуса была почти рядом с поворотом на «Сосновый рай». Просто навес со скамейкой – видно, народ здесь бывает редко. Хлипкие боковые стенки не были разрисованы дикими граффити, земля около скамейки не заплевана и не закидана окурками, даже урна стояла чистая, заполненная только дождевой водой. Это было объяснимо – вряд ли обитатели элитного поселка, и даже их обслуга, приезжают и уезжают рейсовым автобусом... Но расписание рейсов висело, и, согласно ему, ближайшего автобуса придется ждать часа два...

Они посмотрели друг на друга. Баженов надул щеки и шумно выдохнул:

– Фу-у! Ну и что будем делать?

Инга молча пожалала плечами. Что делать? Ждать, что же еще?

– Эх, кофейку бы! – мечтательно вздохнул Баженов.

– Ага, и яблочного пирога еще от Наташкиной стряпухи, – поддела его Инга и с досадой стукнула кулаком по столбику навеса. – Вот же день какой неудачный! Вместо бассейна, тенниса и буржуйских деликатесов – потерянное время, запертые ворота и парочка сумасшедших на десерт!

– Да-а, – согласился Баженов. – Многовато психов для одного «рая»! Как говорится, богатые тоже плачут... Слушай, Гусь! Чего мы тут будем торчать два часа, пыль глотать? Пойдем, по лесу погуляем, что ли... У тебя прививка есть от энцефалита? А то клещи давно проснулись!

– Прививка есть, – сказала Инга, неохотно поднимаясь со скамейки. Ей не слишком хотелось тащиться в лес и кормить там комаров, но торчать здесь одной не хотелось еще больше. – Мы с Алей часто ездим на дачу, там этого добра полно!

– Аля – это кто?

– Тетка моя, папина сестра. Она меня всего на пятнадцать лет старше, поэтому просто Аля...

Они сошли с шоссе, пересекли широкую поляну с длинной стелющейся травой и редкими пушистыми елочками и углубились в лес. Настроение у Инги улучшалось с каждой минутой. Лес принял их в свои объятия, окружил запахами травы и хвои, разноголосым птичьим звоном. Лесные цветы радовали глаз. Веселых рыжих огоньков здесь было мало, не то что на той полянке, где они нашли старушку Елену Аркадьевну, зато здесь в изобилии росли колокольчики, незабудки, медуница и еще какие-то синенькие цветы, названия которых Инга не знала. Попадались даже саранки – сибирские орхидеи...

Комары, конечно, покусывали, но по одному, роями не налетали. Словом, почти ничто не мешало наслаждаться природой...

– Смотри-ка, уже земляника цветет! – Баженов слегка толкнул Ингу и показал на кустик белых цветочков с желтыми серединками.

Инга присела на корточки и раздвинула траву.

– Даже ягодки уже есть, только зеленые! – сказала она и вдруг замерла, уставившись в одну точку.

Баженов мельком глянул на ее лицо и уже не смог отвести глаз. Сердце его на мгновение остановилось, а потом ударило так сильно, что он глубоко, прерывисто вздохнул. Ему показалось, что он увидел это лицо в первый раз.

Это была не та обыкновенная девчонка со слегка азиатской мордочкой, с которой он бок о бок провел пять лет в аудиториях, студенческих столовках, на общежитских тусовках, на которую обращал внимание, только когда требовалось занять конспект или учебник, к которой он не питал ни малейшего интереса, никак не выделял из общей массы...

Ее лицо осветилось изнутри теплым, тихим, нежным светом, слегка раскосые черные глаза широко распахнулись, губы заулыбались, ярко блеснули ровные, красивые зубы, на щеках загорелся нежный румянец. Затаив дыхание, она смотрела куда-то, и Леша Баженов понял: он отдал бы все на свете, чтобы кто-нибудь так же посмотрел на него... Да нет, не кто-нибудь, а именно она...

– Ты чего? – шепотом спросил он, боясь вспугнуть этот тихий нежный свет. Но она улыбнулась шире, став еще прекраснее, и прошептала в ответ:

– Бурундучок! Вон там, у дерева, видишь? Лопает чего-то! Милый такой!

Он и сам уже увидел полосатого зверька, который, сидя на задних лапах, передними записывал что-то себе в пасть и быстро, потешно жевал.

Надо же! Всего-навсего смешной зверек, мелкая лесная живность...

Какое у нее, оказывается, удивительное лицо, как прекрасный, чуть экзотический цветок! Почему он раньше этого не видел?..

Бурундук услышал их шепот и словно растворился в траве. Лицо Инги стало обычным, но Баженов уже знал, что никогда больше он не будет смотреть на нее прежним равнодушным взглядом. Сердце гулко билось в груди, ему почему-то стало радостно и тревожно.

– Леша, ты чего? – спросила Инга, почувствовав его волнение.

– Ничего, все нормально, – буркнул Баженов, отвернулся и пошел вперед.

Ему нужно было прийти в себя. Когда Инга догнала его и пошла рядом, он постарался не смотреть на нее, но взгляд все равно притягивался как магнитом. Вот черт, заморозила она его, что ли? Краем глаза он видел ее, и все в ней ему нравилось – то, что она такая высокая, ему по плечо, тоненькая, длинноногая, то, как легко она двигается, словно плывет над землей. И то, что на ней не было никаких украшений, кроме маленького золотого крестика на невесомой цепочке, тоже почему-то нравилось ему. Даже то, что ногти у нее на руках подпилены совсем коротко и не покрашены. Она нравилась ему все больше и больше. Он ничего не понимал. Его всегда привлекали девчонки совсем другого типа. Он стал вспоминать их, и все они сейчас казались ему какими-то... пресными, что ли... Точно, она его заколдовала... вместе с чертовым бурундуком...

Они шли по солнечному лесу, лениво отмахиваясь от комаров. Молчать было как-то неловко, и Инга придумывала тему для разговора. Но Баженов неожиданно заговорил сам:

– Слушай, Гусь, я ж тебя с окончания универа не видел. И не слышал о тебе ничего. Ты сейчас где? Нормально устроилась?

– Нормально, – ответила Инга. – Я в НИИЛе работаю, в отделе гематологии.

– Это у Свейковской? – присвистнул Баженов. – Крутая дама! Тяжело с ней?

– Да нет, нормально. Она мне даже подработку разрешает, я еще цитологию веду у третьего курса в нашем универе.

– Да ты что! У мамы Али?

– Ну да, у Каримовой, – засмеялась Инга. – Мы ее как раз вчера с Наташкой вспоминали. А ты как устроился? Я о тебе тоже ничего не слышала... Знаю только, что в Академгородке живешь...

– И работаю там же, в «Биопробе». Я туда всегда хотел. У меня дед там работал... Только ты не думай, что я по благу, как дедов внучок, я сам по себе...

Надо же! Баженов работает в Институте биологических проблем, там, где когда-то работали ее родители!

– А мы тоже раньше в Академгородке жили, у меня папа и мама в «Биопробе» работали. А кто твой дед, я, может быть, слышала о нем?

– Ну, если жила в Академе, должна была слышать. Одинцов, Дмитрий Сергеевич, доктор наук, профессор...

– Да ладно! – изумилась Инга. – До чего тесен мир! Папа и мама работали у Дмитрия Сергеевича, мне Аля рассказывала!

Баженов присвистнул:

– Гу-усть! Да мы же с тобой почти родственники! Это надо отметить! Слушай, план такой: мы, когда в город приедем, расходиться по домам не будем. Чего дома сидеть в такой денек? Двигаем в кафешку, я знаю одну клевую, и кутим по поводу воссоединения почти родственников. Я, кстати, угощаю!

– Хороший план, – одобрила Инга. – За исключением последнего пункта. У меня тоже деньги есть. Кутим вскладчину!

То, что она опять вылезла со своими деньгами, огорчило Баженова. Значит, не видит в нем мужчину, не желает одалживаться, гордая вся из себя! Ну ничего, не все сразу...

Инга смотрела под ноги и думала, что через недельку-другую здесь будет полно земляники – цветущие кустики попадались то и дело. А вон на том уже завязалась крупная ягодка, и не зеленая, а белая, даже с розовым бочком! Ее, пожалуй, можно сорвать и съесть, почувствовав во рту неповторимый вкус и запах лесной земляники. Инга нагнулась и потянулась к кустику...

Что-то просвистело над ее головой и глухо ударило о ствол дерева. Она машинально выпрямилась, чтобы посмотреть, но тут началось что-то странное.

Кто-то резко дернул ее в сторону, повалил и упал сверху, прижимая к земле. Инга дернулась и попыталась закричать, но ей зажали рот. Перед глазами была только земля, трава, сухие веточки и хвоя и еще какой-то мелкий лесной сор...

Она снова задергалась, замычала, и голос Баженова хрипло сказал ей в ухо:

– Тихо, тихо, Гусь, кто-то стреляет в нас!

Стреляет? И в этот момент она снова услышала те же звуки – свист и глухой удар, потом снова, снова...

Баженов откатился, вскочил, рывком поднял ее и волоком потащил куда-то. Она извернулась, встала на ноги и побежала сама. Она ни о чем не спрашивала. Инстинкт сказал ей, что сейчас нужно довериться Баженову. Тот тащил ее за руку. Они бежали, петляя между елок, потом скатились в неглубокую ложбинку, пронеслись по ней, почему-то повернули назад и стали взбираться по склону. Сердце у Инги колотилось где-то в горле, она то и дело падала, но Баженов подхватывал ее, ставил на ноги и снова заставлял бежать. Наконец они вломились в гущу каких-то кустов, продрались сквозь ветки, которые хлестали и царапали их, протиснулись в самую чашу и, тяжело дыша, свалились на землю. Баженов приложил палец к губам.

– Ты мне можешь что-нибудь объяснить? – еле слышным шепотом спросила она, когда немного отдышалась.

Баженов помотал головой. Он зачем-то ощупывал и обшаривал карманы, что-то ища, даже вывернул карманы по очереди. Видимо, нужного он не нашел, растерянно посмотрел на Ингу, вздохнул и только потом ответил:

– Сам ничего не понимаю. Кто-то стрелял. Судя по всему, в нас. Если бы ты не наклонилась, он попал бы в тебя. Это не охотничье ружье, да и вообще не ружье. Скорее всего пистолет. С глушителем...

– Откуда ты знаешь?

Баженов усмехнулся:

– Можешь поверить. Я, можно сказать, вырос на стрельбище. Отец военный, мотались по гарнизонам всей семьей. Могу по звуку отличить...

– А что нам теперь делать? Мы от него убежали?

Баженов опять помотал головой.

– Трудно сказать. Смотря сколько их, какого возраста...

– Ты думаешь, он не один? – спросила Инга, леденя от ужаса.

– Скорее всего все-таки один, стреляли из одного оружия. Мы сейчас тут посидим, подождем... Он... или они... видели, куда мы побежали. Скорее всего пойдут следом. Они должны пройти мимо нас, – мы им след проложили, а потом назад повернули. Они вон туда пойдут, видишь? Мы их увидим – кто, сколько, как вооружены... И тогда уж поймем, что делать...

– Может, лучше не ждать, а бежать дальше?

Баженов досадливо почесал затылок:

– Может, и лучше, только... Понимаешь, Гусь, я телефон посеял...

– Телефон? – поразила Инга. – Ты можешь жизнь потерять, а тебя телефон волнует?!

– Да нет, – досадливо поморщился Баженов. – У меня в телефоне есть навигатор! Вот ты сейчас можешь сказать, где мы и в какой стороне дорога?

Инга отрицательно помотала головой. Она поняла.

– Вот и я не знаю, – продолжал Баженов. – Пока бежали, не до ориентиров было. Знаешь, как мой батя говорит о таких ситуациях? Сначала спасайся, потом разбирайся! Вот я и думал, что потом разберусь, по навигатору...

– Я поняла, – сказала Инга. – Мы заблудились... Ничего, Леша, если уцелеем, то дорожку как-нибудь найдем!

– А ты молодец, – сказал Баженов. – Не паникуешь. И бегаешь здорово, легко, как будто летишь! Настоящий дикий гусь! Ничего, Гусь, прорвемся!

Они посмотрели друг на друга, заулыбались и тихо, шепотом, посмеялись. У Инги стало легче на душе. Она вдруг поверила, что они и в самом деле не пропадут. И кличка Гусь вдруг перестала ее обижать. Она и звучала-то теперь по-другому, совсем не пренебрежительно, нет. Забавно, тепло, по-дружески...

Человека, который охотился на них, они заметили одновременно. Он вдруг вывернул из-за ели, с той стороны, откуда они бежали до тех пор, пока не повернули назад. Человек быстро шел, то всматриваясь в землю у себя под ногами, то поднимая голову и озираясь вокруг. На нем был длинный, болотного цвета плащ, а лицо скрыто черной маской-балаклавой.

– Смотри, это же тот самый псих, – сдавленным шепотом вскрикнул Баженов. – Точно он! Плащ тот же самый, видишь? Инга! Инга!

Инга не отвечала. Что-то случилось с ней при виде этого черного лица. Где-то, когда-то она уже видела его, это уже было с ней...

Что-то сдвинулось, стронулось с места – то ли пространство, то ли время, и наступила ночь, тело пронзил холод, повалил снег, и детский голос пронзительно закричал: «Мама! Мама! Мама!»

Баженов увидел, как лицо ее исказилось в гримасе ужаса и застыло, глаза остановились, кровь отлила от щек и губ, они стали серыми, и вся она будто окаменела.

Это длилось только мгновение, в следующую же секунду она очнулась и глубоко задышала, зашевелилась.

– Эй, Гусь, ты чего? – шепотом спросил Баженов.

Она взглянула на него, потрясла головой и задышала уже нормально. С лица сошла бледность, оно стало прежним.

– Прости, – прошептала она. – Накатило что-то, сама не пойму. Страшно стало...

– Не бойся, – подбодрил он ее. – Мы его видим, а он нас – нет, значит, мы уже в выигрыше!

– Зато у него оружие, а у нас нет, – возразила она.

Баженов промолчал. Что тут скажешь, она права...

– Видишь, это он, тот псих из «рая», – повторил Баженов. – Как его? Владик, Вадик?.. Какого черта ему от нас надо?

– Ну да, он, – подтвердила Инга. – Только маску зачем-то надел... Зачем? Мы же все равно видели его лицо... Глупо...

– Да не так уж и глупо, – возразил Баженов. – В случае чего, попробуй докажи, что это он! Похоже, никакой он не псих, соображает неплохо...

– Я не понимаю, чего он хочет? – прошептала Инга. – Убить нас? За что?

– Чем-то мы ему очень не понравились, – задумчиво сказал Баженов. – Ты его точно никогда раньше не видела?

Инга прикрыла глаза и постаралась как можно точнее вспомнить лицо давешнего психа. Воспаленные, в красных прожилках глаза, будто вываливающиеся из орбит, снова глянули на нее... Абсолютно незнакомое лицо...

Инга молча покачала головой:

– Нет. Точно не видела, никогда...

Охотник, видимо, определился с направлением. Он перестал озираться и размашистой походкой двинулся вперед. У него была пластика сильного и ловкого человека, четко координированные движения, и это не внушало оптимизма. За ними охотился кто-то опасный, пугающий...

Он прошел мимо них и, не меняя направления, скрылся за деревьями. Баженов, не отрываясь, смотрел ему вслед и как будто что-то просчитывал в уме. Потом он тихо скомандовал:

– Гусь, пошли! – и стал осторожно выбираться из кустов.

Инга, не говоря ни слова, полезла за ним. Острая колючка впиалась ей в локоть, и она прикусила губу, чтобы не вскрикнуть. Они выползли из кустов и снова побежали.

По ее ощущениям, они пересекли путь охотника, некоторое время двигались перпендикулярно ему, затем свернули и пошли параллельным курсом. Теперь они как бы заходили ему в тыл, оставаясь несколько в стороне. Они бежали почти бесшумно, – пришло второе дыхание, глаза как будто стали зорче, а слух острее.

Баженов, мчавшийся впереди, вдруг поднял руку. Инга теперь без слов понимала его. Она остановилась и присела, снова увидев охотника.

Человек в балаклаве был впереди и немного в стороне от них. Он стоял, то ли прислушиваясь, то ли присматриваясь, то ли раздумывая, куда идти. Теперь он был виден справа, и Инга рассмотрела в его правой, опущенной, руке пистолет с длинной насадкой на стволе. Ну да, это глушитель, она видела такие в фильмах...

Инга и Баженов ждали, затаив дыхание и не шевелясь. Она понимала Лешин замысел. Они пойдут за этим человеком. Это опасно, но, пожалуй, разумно. Во-первых, так он будет у них на глазах, во-вторых, он их куда-нибудь да приведет, по крайней мере к выходу из леса. Уж он-то должен знать, где выход...

Между ней и Баженовым установилась странная общность. Они как будто стали единым целым. Все, что они видели, слышали, ощущали, все, о чем думали, было общим. Чтобы пони-

мать друг друга, им не были нужны слова. Они просто переглядывались и все читали друг у друга в глазах.

Сейчас они безмолвно спросили друг друга – почему он медлит? Охотник по-прежнему стоял неподвижно, словно в нерешительности, только голова в балаклаве медленно вращалась по сторонам, как радар, сканирующий пространство. Видимо, он потерял их след и не знал, куда идти дальше...

Прошло еще несколько томительных минут, он все-таки зашевелился и двинулся вперед. Он шел, не оглядываясь, сначала медленно, потом быстрее, и они тронулись вслед за ним.

Это оказалось трудно. Охотника нельзя было выпускать за пределы видимости, иначе он в своем болотном плаще мог легко затеряться в пестроте леса. Но они слышали его – треск сухих веток под ногами, шорох раздвигаемых кустов... Значит, и он мог слышать их – как назло, в лесу почему-то стало тихо, птицы примолкли. Но если вооруженный человек мог позволить себе шуметь, то они-то нет...

Инга короткими перебежками двигалась вслед за Баженовым. Пот тек у нее по спине, к мокрому лицу липла паутина, ноги налились тяжестью. Она мечтала о том, чтобы человек, идущий далеко впереди, хоть на несколько минут остановился и дал им передохнуть...

Ей казалось, что они идут так уже бесконечно долго, и она совсем выбилась из сил. Вдруг Баженов опять остановился и поднял руку. Инга замерла. Он повернул к ней разгоряченное, напряженное лицо и прошептал:

– Инга, осторожно поворачивай и иди назад. Старайся идти по своим следам...

То, что он сказал «Инга», а не «Гусь», испугало ее. Значит, произошло что-то плохое. В ответ на ее безмолвный вопрос Баженов проговорил:

– Не пугайся, но, похоже, он нас в болото загнал...

Только тут Инга обратила внимание, как изменилась местность вокруг. Лес стал редким, а деревья какими-то чахлыми, больными. Земля под ногами была кочковатой, покрытой ядовито-зеленой травой, она колыхалась и хлюпала при ходьбе...

– Ты думаешь, здесь настоящая топь? – прошептала она.

– Не знаю, но проверять мы не будем. Давай потихоньку выбираться...

Инге казалось, что каждый ее шаг будет последним. Почва чавкала и уходила из-под ног. Как она вообще тут шла и ничего не замечала? Так увлеклась погоней? Если бы не Баженов, вообще ничего не поняла бы, пока не стала тонуть...

Осторожно, стараясь ступать туда, где трава была примята ее прежними шагами, но все же оступаясь и проваливаясь, она шла вперед. Баженов шагал сзади, придерживая ее. Что бы она без него делала...

К счастью, они не успели сильно углубиться в болото. Скоро земля под ногами стала тверже и устойчивей, они пошли уверенней, а через несколько минут выбрались на сухое место и двинулись по краю болота в ту сторону, куда ушел непонятный псих.

Инга искала глазами человека в балаклаве, но его не было видно, как она ни вглядывалась в редколесье. Он словно растворился в мареве, висевшем над болотом. Тяжело дышащий Баженов поймал ее взгляд, кивнул и махнул рукой – все, ушел...

– А он-то как?

– Как ушел? Знает тропу, по всей видимости. Может быть, охотник или даже егерь, изучил здешние места... О, смотри, похоже, он вот здесь шел, видишь, трава примята... Может, пойдём следом?

– С ума сошел? По болоту?

– Н-да, неразумно, конечно. Предложение снимается, пусть идет... Жаль, не узнаем никогда, кто он такой и чем мы ему так не понравились. А вдруг это все-таки не давешний псих, а твой отвергнутый поклонник? Или бедолага, которого ты на зачете завалила?

– Знаешь, не смешно...

– Не смешно, – согласился Баженов. – Слушай, Гусь, а что у тебя в рюкзаке, а? Там бутербродика, случайно, не завалилось?

Инга уныло помотала головой.

– Неужели ты думаешь, что я утаила бы? У меня там купальник, носовые платки, еще какая-то несъедобная дребедень... Я ж собиралась купаться в бассейне, лопать яблочный пирог, попивать винцо с кофейком! Вести светскую жизнь в элитном коттедже! А не бегать по пересеченной местности!

– Вот про пирог ты зря упомянула. Негуманно... Я сейчас кору начну жевать!

Инга тоже сглотнула голодную слюну.

– Нужно выбираться отсюда, Леша. Давай подумаем, как...

Баженов вдруг нагнулся и что-то поднял с земли.

– Смотри-ка, зажигалка! Похоже, этот упырь болотный посеял! Золотая... О, смотри, монограмма – буквы Н и З. Маска, маска, как тебя зовут?

– Леша, – сказала Инга внезапно севшим голосом. – Леша, а ведь это Наташкина зажигалка! Я ее вчера у нее видела, в кафе...

– Точно ее? Или просто похожая? И вообще, откуда здесь взяться Натахиной зажигалке?

– Не знаю... Очень похожа, и буквы... Наташкины инициалы... Как-то мне не по себе...

Леша, давай подумаем, как отсюда выбраться, а все остальное – потом...

– Ладно, ты права... У тебя телефон с собой, не потеряла?

– С собой, только у меня простой телефон, без примочек, навигатора нет...

– Давай попробуем, может, связаться с кем-нибудь сумеем...

Инга вынула из тесного кармана джинсов маленький телефон-раскладушку. Баженов взял у нее трубку, попробовал включить и разочарованно вздохнул:

– Разрядился... Гусь, ты когда его последний раз заряжала?

– Черт! Вчера собиралась поставить на зарядку, но вы с Наташкой мне все планы спутали! Злая была, так не хотелось тащиться в этот «Сосновый рай», что я про все забыла... Про телефон вообще не вспомнила. Утром сунула машинально в карман... Вот ведь как чувствовала, что не надо было ехать!

Она сердито посмотрела на Баженова, и он почувствовал себя виноватым.

– Да я сам не хотел ехать, Натаха просто силой меня заставила. Знаешь же ее, привяжется, как репей!

Оправдываясь, он чувствовал, что говорит неправду. Да, он тоже злился на Наташку, и вчера, и сегодня утром, особенно когда стоял, как дурак, перед закрытыми воротами Землянкинского особняка... Но сейчас он был Наташке благодарен. Несмотря ни на что... На жутковатое приключение с неведомым болотным упырем, на то, что сейчас он стоит посреди незнакомого леса и не знает пока, как из него выбраться... Ничего, выйдут рано или поздно, чай не в нехоженой тайге... Зато в его жизни началось что-то новое, такое заманчивое, интересное, что захватывает дух! И ради этого нового ничего не жаль!

– Ладно, – решительно сказал он. – Будем действовать по-другому. Ты помнишь, куда солнце светило, когда мы сюда ехали?

– Солнце? В лицо вроде...

– Точно, в лицо, я помню, как водила чертыхался... Значит, шоссе идет с запада на восток... В лес мы зашли... так, если стояли лицом в направлении движения, то вправо, то есть на юг... Шоссе от нас к северу... Ну что? Двигаемся на север! Ищи мох на деревьях! О, вон там, видишь? Не горюй, даже если слегка ошибемся в направлении, все равно куда-нибудь выйдем. Это не тайга, а всего-навсего пригородный лес. Главное, не кружить... Так, чтобы не кружить, засекаем ориентир впереди, а когда доходим до него, засекаем следующий... Видишь раздвоенную березу? Это первый ориентир, двигаем к ней. Ничего, Гусь, прорвемся!..

Когда они наконец выбрались на шоссе, солнце уже садилось на верхушки деревьев. Было непонятно, то ли это шоссе, по которому они приехали в «Сосновый рай», или какое-то другое. Главное – это дорога, и по ней ходят машины, которые могут довезти до Тайгинска.

Их долго никто не хотел подбирать, и это было неудивительно, такой, наверное, потрепанный, бомжеватый был у них видок. Но наконец одна из машин все-таки притормозила, и водитель открыл дверцу.

– До города возьмете? – спросил Баженов и, получив утвердительный ответ, засунул Ингу на заднее сиденье, а сам сел впереди.

Инге показалось, что водитель, моложавый, худой мужчина лет сорока, как-то чересчур пристально посмотрел на нее. Наверное, она выглядит как баба-яга после всей этой беготни по лесу...

Она достала из рюкзака зеркальце и внимательно изучила свою физиономию. Да нет, ничего особенного, волосы, конечно, встрепаны, но не слишком, а физиономия даже похорошела – посвежела, разгладилась, слегка загорела, да и вовсе не грязная. Чего он так вглядывался? Может, знакомый? Нет, она видит его в первый раз...

Баженов, между тем, отвечал на вопросы водителя, которого интересовало, как они здесь очутились. Отвечал чистую правду – гуляли, мол, по лесу и заблудились. Услышав, что они «гуляют» от «Соснового рая», водитель присвистнул: ничего себе, куда забрались!

Инга вытащила телефон, чтобы позвонить Але, но тут же вспомнила, что вместо средства связи у нее бесполезная железяка. Бедная Алечка, она, наверное, с ума сходит. Инга, конечно, предупредила ее, что уезжает к Ягодке, но обещала звонить. И вот за целый день ни разу не позвонила, и сама Аля дозвониться ей не могла... Она ее убьет, и правильно сделает!

Какой странный, переполненный событиями выдался день! И казалось бы, он уже кончился благополучно, они ехали домой, но какое-то тревожное чувство не покидало ее. Что-то брезжило в глубине сознания, не всплывая на поверхность, мучило, не давая успокоиться. Кроме дикой истории со стрельбой и погоней, смущало и казалось странным загадочное отсутствие Наташки Земляникиной, а также ее зажигалка, найденная на краю болота. Но и это не все. Было что-то еще, то, чего она никак не могла понять. Как будто царапина на душе от этого дня осталась и болела...

И вдруг Инга вспомнила, как будто прикоснулась к больному месту, – таким обжигающим и острым было это воспоминание. Тот самый момент, когда она увидела человека с черным лицом. Что с ней тогда произошло? Что за внезапное помутнение сознания, холод, пронзивший все тело, свет, померкший в глазах, детский крик? Что это, откуда? Непонятное, пугающее, но это не приснилось... Тогда, в лесу, она постаралась отбросить и забыть тот мимолетный морок, было не до него, но сейчас он всплыл в памяти и ужаснул еще сильнее... Что с ней происходит, что?..

В зеркале она поймала пристальный взгляд водителя и поежилась. Почему он так разглядывает ее? Может быть, спросить у него прямо?

– Если нужно позвонить, возьмите мой телефон, – вдруг сказал он.

Инга облегченно вздохнула. Чего она так испугалась? Просто внимательный человек. Увидел, что она крутит в руках бесполезный аппарат...

С благодарной улыбкой она взяла протянутый телефон и набрала номер Али.

– Алечка, это я, – виновато сказала она, услышав встревоженный голос. Конечно, испугаешься тут, если Инга на целый день пропала, а теперь звонит с незнакомого номера. – Алечка, у меня телефон разрядился, не могла позвонить, прости, пожалуйста, приеду и все-все расскажу... Ты уже вернулась от Ангелиши? Да, все хорошо, уже еду, через часик буду дома. Целую!

Она снова поймала в зеркале смутивший ее взгляд водителя и отключилась.

– Леша, ты будешь звонить? – спросила она у Баженова.

Тот нерешительно посмотрел на хозяина телефона.

– Звони, звони, – разрешил водитель. – Тоже, поди, волнуется. Не бережете близких, молодежь!

Баженов взял телефон, секунду подумал и решил:

– Эсэмэску напишу! – потыкал пальцем в кнопки и вернул телефон водителю со вздохом облегчения. Он повернулся к Инге, подмигнул и пояснил: – Дед там сейчас меня поругает, напряжение сбросит и к моему приезду успокоится!

К дому Инги они подъехали уже в стусившихся сумерках. У подъезда маячила встревоженная Аля. Увидев Ингу, выскочившую из машины, она кинулась к ней.

– Игуся! Ну что ж ты так долго, я уж вся извелась!

– Аля, прости меня, идиотку, забыла зарядить этот чертов телефон!

Но Аля вдруг отстранила ее и шагнула вперед. Инга оглянулась. Оказывается, Леша Баженов вышел из машины, и водитель зачем-то тоже. Инга подумала, что надо познакомить Алю с Баженовым, а водитель, возможно, рассчитывает на вознаграждение... Пока она раздумывала, Аля и странный водитель шагнули навстречу друг другу и одновременно воскликнули:

– Саша!!!

Инга удивилась. Они что, знакомы? Ее родная тетка и мужчина, которого она видела в первый раз в жизни, стояли друг против друга, смотрели потрясенно и молчали. Потом они заговорили, опять одновременно:

– Саша, ты совсем не изменилась!

– Саша, как ты здесь оказался?

Баженов оттащил ничего не понимающую Ингу подальше от этих двоих. Она оглядывалась и глупо спрашивала:

– Они что, знакомы? – хотя было совершенно понятно, что это так.

– Они знакомы и, похоже, не просто знакомы. – объяснил ей Баженов.

– Ты думаешь, у них были отношения? – догадалась Инга.

– Почему нет? Они примерно одного возраста, возможно, друзья юности... Погоди, все выяснится...

– Я думала, на сегодня сюрпризы кончились. Сегодня столько всего произошло, а тут еще и это...

– Инга! – Баженов наклонился и посмотрел ей прямо в глаза. – Сегодняшний день нам с тобой надо обсудить подробно и на холодную голову. То, что сегодня произошло, нам не удастся ни забыть, ни оставить без внимания. Нас пытались убить...

– Тише, Аля не должна об этом знать!

– Нас пытались убить, – шепотом повторил Баженов. – И надо решить, что с этим делать!

– Что ты предлагаешь?

– Сейчас иди домой и отдыхай, ты еле на ногах стоишь... Завтра я позвоню, и мы встретимся. Скажи мне свой номер телефона!

– Ой, а мне записать не на чем!

– Говори так, я запомню!

Инга назвала свой номер. Теперь нужно было повернуться и пойти прочь, но это оказалось не так-то просто. Как будто кто-то сегодня сковал их с Баженовым невидимой цепью, и разорвать ее было страшно. А вдруг они завтра не встретятся? Вдруг он не позвонит, забудет ее номер... Не так-то легко удержать в памяти десять цифр... Или вообще передумает, решит, что ничего такого не произошло и встречаться незачем... У него наверняка много своих дел, поинтересней, чем непонятное происшествие в лесу, девчонки, например...

Мысль о девчонках была так неприятна, что Инга резко развернулась и рванула прочь от Баженова. Ее тетка и непонятный незнакомец все еще стояли и тихо разговаривали. Про-

ходя мимо них, Инга вытащила из рук Али ключи. Та очнулась и рассеянно посмотрела на племянницу.

– Аля, не задерживайся, пожалуйста, – сказала Инга, а незнакомцу благодарно улыбнулась. – Спасибо большое, что довезли!

– Иди, иди, детка, я сейчас! Иди, там все горячее, поешь, – с тем же отсутствующим видом ответила Аля.

Инга пошла к дому. Дойдя до двери подъезда, она оглянулась. Баженов стоял на прежнем месте и смотрел на нее. У Инги отлегло от сердца – нет, они завтра встретятся! Она помахала ему рукой и вошла в подъезд.

Алексей Баженов стоял на Театральной площади и ждал Ингу. В руках у него был букет, над выбором которого он изрядно попотел в цветочном киоске. Раньше, идя на свидание, он всегда покупал розы или гвоздики – на что хватало денег. Но сегодня этот стандартный выбор его почему-то не устроил. Он был уверен, что ни розы, ни гвоздики для Инги не подойдут. А что ей подойдет, он и сам не знал. В конце концов продавщица сама собрала ему букет из каких-то синих и голубых цветов, а потом еще обложила их мягкой травкой с мелкими белыми цветочками. Получилось красиво, и он обрадованно засиял. Заворачивать букет в цветную бумагу с фестонами он не позволил, согласился лишь на прозрачный целлофан, и вот теперь, со всем этим добром, он торчал около тумбы с афишами, нетерпеливо вглядываясь в лица прохожих.

Ингу он увидел издали. Вместе с группкой пассажиров она вынырнула из-за подошедшего автобуса на другой стороне площади и пошла к пешеходному переходу. Он жадно разглядывал ее, она была совсем другая, чем вчера, в коротеньком голубовато-сером платье, мягко обрисовывающем фигуру, в светлых босоножках, с сумкой на плече. Только крохотный крестик на невесомой цепочке был прежним. И она не искала его глазами, она смотрела себе под ноги и думала о чем-то своем...

На светофоре загорелся зеленый свет, и она пошла по переходу, пересекая площадь. Баженову казалось, что она не идет, а плывет... нет, не плывет, а летит над асфальтом, неспешно перебирая длинными ногами и не касаясь ими земли. Встречный поток воздуха сдул ей волосы со лба, и так, с откинутыми волосами, ее лицо оказалось еще прекраснее... Вчерашнее очарование не исчезало, наоборот, росло...

Вчера дед, которому он, конечно, не рассказал, при каких обстоятельствах потерял свой смартфон, отругав его за ротозейство, отдал ему один из своих телефонов, и он сразу же вбил в него номер Инги, а утром, выждав приличное время, позвонил ей, и они условились вечером встретиться в том же кафе на Театральной, где они были позавчера.

Инга наконец увидела его, заулыбалась, помахала рукой, подошла... Когда он, вытянув из-за спины, сунул ей свой букет, она заметно удивилась и смутилась, но цветы взяла, поблагодарила... Не обрадовалась, нет, и он огорчился этому...

Сегодня было воскресенье, и народу в кафе было много, но свободный столик все-таки нашелся. Они взяли кофе с густой рыжей пенкой, вазочки с мороженым и устроились друг против друга.

– Как ты? – спросил Баженов, внимательно глядя на Ингу. Она была не такая, как вчера, не только внешне, но и внутренне. Она была напряженная, натянутая как струна.

– Спала плохо, – пожаловалась Инга. – Думала, что как лягу, так и провалюсь, а ворочалась почти до утра, а потом еще кошмары снились.

Она не стала рассказывать Баженову о гнетущем чувстве тревоги, так и не отпускаявшем ее со вчерашнего дня. Как рассказать другому человеку о том, чего сама ни понять, ни толком объяснить самой себе не можешь?

Вчера, ложась в постель, она думала, что к утру все пройдет, она поспит, расхолодившиеся нервы успокоятся, и она проснется прежней – спокойной и веселой. Но не получилось. Она долго не могла уснуть. Как только закрывала глаза, в голове начинала крутиться бешеная карусель – мелькали чьи-то лица, слышались обрывки слов, под колеса машины стелилась дорога, солнце бликовало и лезло в глаза, ноги несли вперед, не разбирая дороги, ветки кустов хлестали и царапали лицо, сердце суматошно колотилось в груди, а горло хрипело, заглывая воздух. Человек с черным лицом вставал на пути, поднимал руку, и пуля летела прямо в сердце. Ужас подкидывал ее, она садилась в постели и не могла отдышаться...

Немного успокоившись, она ложилась и старалась понять, что с ней происходит. Там, в лесу, она и испугаться толком не успела. Не потеряла разума, вела себя вполне адекватно. Делала все, что нужно – бежала, пряталась, спасалась... Спаслась... Почему сейчас, когда все позади, она похожа на истеричку, на сумасшедшую? Это что, посттравматический синдром?

Ответа на этот вопрос не было. Она снова закрывала глаза, и все повторялось. Это была самая длинная ночь в ее жизни...

Под утро ей удалось заснуть, но лучше бы совсем не спать, потому что она увидела кошмар. Ей приснилась Наташка Земляникина.

Наташка сидела на огоньковой поляне, распустив длинные волосы до земли. У нее всегда были длинные волосы, но чтобы настолько, Инга не помнила. Волосы окружали Наташку плащом, пряди стелились по траве, шевелились, то ли от ветра, то ли сами по себе. Почему-то они были седые и светились лунным светом. И вообще, это была ночь, наполненная холодным, синим светом луны. Огоньки, росшие на поляне, казались черными, и на голове у Наташки был венчик из черных огоньков...

«Ягодка, ты почему седая, – спросила Инга. – Это модно, что ли?»

«Это потому, что я теперь дриада», – ответила Наташка и, протянув руку, коснулась Инги.

Прикосновение было ледяным, холод пополз по руке, подкатил под сердце. Инга испуганно отшатнулась, а Наташка смеялась и повторяла: «Дриада, дриада...»

Инга проснулась в холодном поту. Сон непонятный и неприятный, его хотелось поскорее забыть, но он не забывался. Это явно был один из тех ярких снов, которые не забываются годами. Бродя в тот день по дому, она то и дело ловила обрывки этого сна, всплывающие в сознании, – черные огоньки на белом и слово «дриада», то самое, которое она слышала от Наташки наяву в кафе. Оно почему-то беспокоило, царапало ее...

Слово казалось Инге противным, похожим на коричневого мохнатого червяка... Почему Наташка в ее сне произнесла именно его? Этого слова вообще не должно быть в ее лексиконе. Наташка – человек простой и, увы, малоначитанный, а слово «дриада» – старинное, редко употребляемое в современном языке... Инга и сама смутно помнила, что оно означает, хотя благодаря Англише читала много и разного... Что-то сказочное, вроде русалки... Она даже залезла в энциклопедию. Да, дриада – мифическое существо, лесная нимфа. Понятно, русалка, только сухопутная... Противное слово, от него веяло тухлой мистикой, нежитью... Забыть бы, да не забывается, засело в мозгу...

Инга не стала рассказывать всего этого Баженову. Сейчас, в его присутствии, ей полегало, она снова стала прежней. Ну или почти прежней...

– А ты как? – спросила она, принимаясь за мороженое.

– Я-то как раз лег и провалился. А ты спросила у тетушки, откуда она знает того мужика, который нас вчера подвез?

– Спросила... Говорит, старый знакомый, встречались много лет назад, а потом как-то потерялись... Александр Александрович Сарычев. Представляешь, они полные тезки, оба Александры и оба Александровичи! Он Сан Саныч, она – Сан Санна!

– А как они встретились? Просто как знакомые или... непросто?

– Не знаю, Аля как-то неохотно об этом говорила, я не стала слишком напирать...

– А почему у нее нет своей семьи? Симпатичная тетка, на тебя похожа...

Инга, пропустив тонкий комплимент мимо ушей, отхлебнула кофе и задумчиво поковыряла ложечкой мороженое.

– Наверное, из-за меня, – со вздохом призналась она. – Когда родители погибли, мне четыре года было, и сироту хотели отдать в детдом. Але тогда исполнилось всего девятнадцать, ей не хотели меня отдавать... Но Аля за меня сражалась и выцарапала у службы опеки! Ну и бабушка еще помогла, мамина мама. Она тогда работала в городской администрации, занимала немаленький пост. Она сама не хотела меня брать – маленький ребенок, обуза... Но и допустить, что родную внучку поместят в детский дом, тоже не могла, вот и нажала на все педали... Ну а Аля... С ребенком не очень-то погуляешь, романы покрутишь... Наверное, поэтому она осталась одна... Не знаю, я ее никогда не спрашивала...

Они немного помолчали, а потом Инга спросила:

– Ты думал о том, что случилось вчера? Ты что-нибудь понял, придумал, что нам делать?

Баженов одним глотком допил кофе.

– Думал, – вздохнул он. – Но придумать ни фиги не смог... Сложно все. По-хорошему, нам следует обратиться в полицию. Но я проанализировал ситуацию и пришел к неутешительному выводу: это нам ничего не даст...

– Почему ты так думаешь? – удивилась Инга. – На нас напал вооруженный шизофреник, он хотел нас убить. Мы знаем, как его зовут, эта Настя и Наташкин сосед называли имя – Владик. Только не Владислав, а как-то по-другому... Ну, не важно... И фамилию называли – Оброков...

Баженов поморщился.

– Ты думаешь, мы все там расскажем и нас по головке погладят и почетную грамоту дадут? Фиг! Для полиции такие дела – головная боль. Во-первых, мы лица его не видели и не можем утверждать, что это Владик, или как его там... Даже если выяснится, что он, ему ничего не будет. Его все равно признают невменяемым. Насильно в психушку не посадят – это сейчас негуманно. А тут и богатый-влиятельный папочка Владика подключится, который уверен, что сынуля его – ангел во плоти! Ты слышала, что этот сосед Натахин говорил? Господин Оброков, мол, считает, что Владик совершенно неопасен, и ограничивать его свободу не намерен! Мы ни-че-го не добьемся! А времени и нервов потеряем – мама не горюй!

– Но он может еще на кого-то напасть!

– Ну-у... судя по всему, до нас он ни на кого не нападал. Там, в поселке этом, тишь да гладь да божья благодать! Это мы с тобой ему чем-то не понравились...

Они надолго замолчали. Баженов не отрываясь смотрел на Ингу. Она глубоко задумалась, упершись глазами в вазочку с остатками мороженого.

– Гусь, – наконец подал голос Баженов. – Тебе еще кофе принести?

– Леша, – Инга машинально поскребла ложечкой по дну вазочки и, отодвинув ее, подняла на Баженова черные глаза. – Ты лучше знаешь Ягодку. Скажи, насколько ей свойственно вот так позвать гостей и слинять, не предупредив?

– Натали? – удивился Баженов. – Это вполне в ее духе! Да у нее вообще ветер в голове гуляет, что он ей занесет, то и творит! Чего это ты сейчас?.. Нам не о ней думать надо!

– Но позвонить-то она должна была! – упрямо гнула свое Инга. – Меня беспокоит, что она не позвонила! И зажигалку ее мы нашли! Как она там оказалась? Боюсь, с Наташкой что-то случилось! Знаешь, я ей сегодня с самого утра звоню, а она недоступна...

– Да что с ней случится? – пожал плечами Баженов. – Укатила к своему Климке – и досвидос! Она может свои планы за секунду поменять. Сейчас хочет одного, а не успеешь моргнуть, у нее на уме уже другое. А что не позвонила... Ну, так могла телефон посеять. У нее потерянных целая плантация! Ну и черт с ней, пусть наслаждается жизнью! На фиг она нам

сдалась? Мы с тобой по ее милости чуть жизни не лишились! Я вот телефон потерял, подарок, между прочим...

Ну как его убедить? Не рассказывать же, что Наташка приснилась ей в дурном сне, который теперь не дает покоя!

– Леша, – осторожно спросила она, – Наташка когда-нибудь произносила при тебе слово «дриада»?

– «Дриада»? – озадачился Баженов. – Нет, никогда. Ни «дриады», ни «триады» никогда от нее не слышал. Она говорила исключительно на простом русском языке, без изысков. Ну еще общепринятые англицизмы, конечно, употребляла, интернетовский сленг еще... А что?

– Да так, ничего... Когда мы с ней позавчера сидели в кафе, она это слово ляпнула как-то невзначай и почему-то испугалась, как будто лишнее сказала... Мне это странным показалось...

– Ну, не знаю. Мало ли что она могла ляпнуть случайно! По мне, так Натали ко всему, что вчера случилось, не имеет никакого отношения, а нам сейчас нужно думать об этом. Давай о Наташке потом, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.